

КРУГЛЫЙ СТОЛ

УДК 159.922 : 94(470)

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-4-42-77

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Смоленский Н. И., Маслов Д. В., Багдасарян В. Э., Журавлёв С. В., Яснитский Н. А.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Институт российской истории РАН

117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, Российская Федерация

Аннотация

Цель. В ходе кругло стола рассмотрены проблемы исторического сознания в современной России.

Процедуры и методы. В рамках дискуссии освещались вопросы начала постановки проблемы исторического сознания, движущих сил формирования исторического сознания, соотношения научного исторического знания и исторического сознания в настоящее время.

Результаты. Дана трактовка исторического сознания как связи времени – прошлого, настоящего и будущего – в сознании индивида и общества в целом.

Теоретическая и/или практическая значимость. Итоги круглого стола могут способствовать формированию варианта исторического сознания по условиям и признакам текущего времени.

Ключевые слова: историческое сознание, исторические инициативы, научное историческое знание, методология, методы исторического исследования

THE PROBLEM OF THE FORMATION OF HISTORICAL CONSCIOUSNESS IN MODERN RUSSIA

N. Smolensky, D. Maslov, V. Bagdasaryan, S. Zhuravlev, N. Yasnitsky

Moscow Region State University

24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences

19 Dmitry Ulyanov ul., Moscow 117292, Russian Federation

Abstract

Aim. The subject of the round table discussion was the analysis of historical consciousness in modern Russia.

Methodology. At the round table the time when the problem of historical consciousness started to be formulated, the driving forces of the historical consciousness formation, the relationship between scientific historical knowledge and historical consciousness at the present time were discussed.

Results. The concept of historical consciousness as time – the past, the present and the future – continuity in individual and public mind was worked out.

Research implications. The discussion contributes to the study of the urgent problem - formation in Russian reality of a variant of historical consciousness corresponding to the conditions and characteristics of this time.

Keywords: historical consciousness, historical initiatives, scientific historical knowledge, methodology, methods of historical research

Н. И. Смоленский

Вступительное слово

Историческое сознание – важная проблема исторического познания, но это, прежде всего, значимая проблема каждого общества в период его развития. Взаимосвязь исторического познания и исторического сознания не отвергает того различия между ними, согласно которому историческое познание всегда есть удел сравнительно небольшой прослойки общества – профессиональных историков, тогда как носителями и в известной степени творцами исторического сознания всегда являются миллионы членов любого общества, зависящих в своих взглядах от результатов исследовательской работы историков, и не только, что является также признаком своеобразия исторического сознания и его отличия от других форм общественного сознания – правового, нравственного и других [24]. Историческое сознание – форма разновидности знания обществом своего прошлого и современности, что не является, однако, результатом каких-либо исследований в области исторического познания относительно источников исторического сознания, проблемы, требующей отдельной самостоятельной трактовки. Представления, складывающиеся в области собственно исторического знания, в любом случае, не являются единственным источником формирования исторического сознания. Анализ проблемы источников формирования исторического сознания – одна из проблем, которая обсуждалась на данном круглом столе.

Источником формирования и сутью исторического сознания в данном слу-

чае признаётся связь времен – прошлого, настоящего и будущего. Необходимость опоры на эту связь определяется общественной природой человека, физической невозможностью его бытия в одном временном измерении. Отличительное свойство человека – в наличии сознательной памяти, содержащей в единстве его прошлое, настоящее и его планы, надежды на будущее: земное бытие человека не протекает в каком-то одном временном измерении из трёх названных модальностей. Речь идёт не об индивидуальной памяти человека, а о коллективной памяти народа, элементом которой является историческое сознание. Образ прошлого в массовом историческом сознании в любом случае не может не отличаться по форме, но также и по содержанию от образа, создаваемого историком-профессионалом, но из массового сознания нельзя изъять требование достоверности, правдивости, адекватности внедряемых в него сведений о прошлом. В противном случае речь идёт о манипуляциях с историческим сознанием, его мифологизации. Конечная цель этих манипуляций – сделать историческое сознание разорванным, клочкообразным, сделать так, чтобы события было невозможно понять, проследить, т. е. разорвать связь времён.

Изложенные представления о природе исторического сознания являются в данном случае основой трактовки участниками круглого стола проблем исторического сознания в современной России. К числу этих проблем относятся:

1. что было началом (по времени и по содержанию) критического пересмотра

советского варианта исторического сознания;

2. роль государства и представлений власти М. С. Горбачёва, А. Н. Яковлева и др.;

3. итоги критики советского времени в период «перестройки».

Постановку и критический научно-обоснованный анализ названных и ряда других проблем дал в своём выступлении д. и. н. Д. В. Маслов.

Проблема исторического сознания и истории современной России дана в выступлении д. и. н., проф. В. Э. Багдасаряна. Он рассматривает ряд проблем исторического сознания современной России на основе сравнительного анализа содержания школьных учебников и исторического сознания российского общества постсоветского времени. Результат этого анализа имеет чрезвычайно важное (без преувеличения) научное значение – если ставить вопрос о его реализации и добиться этого.

Проблема сохранения исторической памяти и популяризации прошлого, т. е. проблема исторического сознания, сформулирована в выступлении д. и. н., проф. С. В. Журавлёва. Средством реализации этой проблемы как реальности 20–40 гг. XX в. в СССР были многочисленные публикации по истории различных промышленных предприятий страны. Авторами этих публикаций стали представители рабочего класса наряду с профессиональными литераторами и историками. Бригады рабочих занимались сбором материала в архивах о деятельности различных фабрик и заводов страны, создавались заводские редакции, что стало опытом «массового редактирования». С середины 1930-х гг. в условиях нарастания политизации жизни появился спад в работе по истории фабрик и заводов.

Заключительной частью круглого стола является выступление к. и. н., проф. Н. А. Яснитского, о становлении проблемы исторического сознания в научном варианте её постановки просветителями. Это актуально в связи с проблемой фор-

мирования первоначального варианта исторического сознания.

Журавлёв С. В.

Исторические инициативы 1920–1940-х гг. и их современное прочтение

В современных условиях, когда приобретают особую актуальность вопросы сохранения исторической памяти и популяризации прошлого, имеет смысл приоткрыться к уникальному и во многом поучительному отечественному опыту исторических инициатив 1920–1940-х гг. Тем более, ничего подобного по характеру и масштабу не было ни до, ни после этого.

История данного сложного и противоречивого периода была необычайно богата на творчество, включая исторические инициативы, в которых наряду с профессиональными историками зачастую принимали участие литераторы и представители широкой общественности. В числе прочих инициатив 1920-х гг., связанных, например, с изучением рабочей истории (темы, к сожалению, оказавшейся после распада СССР и утраты престижа рабочих специальностей, на задворках отечественной науки), следует упомянуть деятельность истпартов, истпрофов, истомолов, начинания с Центрального бюро краеведения и ВЦСПС по монографическому изучению предприятий, работе монографической комиссии и секции по истории пролетариата СССР, которые действовали при Комакадемии [7].

А ещё была целая серия новаторских для своего времени исторических инициатив, с которыми на рубеже 1920–1930-х гг. выступил А. М. Горький: «История гражданской войны в СССР», «История фабрик и заводов», «История городов», «История деревни», «История культуры и быта» и др. Некоторые из этих проектов остались в основном на бумаге, другие оказались более успешными. Правда, ни один из них в итоге не был доведён до конца. При этом многие исторические

проекты осуществлялись одновременно, зачастую силами тех же самых историков, литераторов, актива общественности. Однако вопрос о взаимной сопряжённости проектов в ходе их практической реализации, об их преемственности, заимствовании опыта и методов работы пока в должной мере не изучен. Как не исследована и роль этих инициатив в формировании государственной исторической политики 1920–1940-х гг.

Сравнительно успешной считается ведшаяся в первой половине 1930-х гг. работа по «Истории фабрик и заводов» («ИФЗ»). В этой серии вышел десяток томов по истории отдельных предприятий, но большинство подготовительных материалов и рукописей по разным причинам так и не увидели свет, сохранившись в архиве. Вероятно, самым заметным историографическим и идеологическим явлением, серьёзно повлиявшим на формирование сталинской концепции истории СССР, стала работа по написанию «Истории гражданской войны» («ИГВ»), а фактически – по истории революции 1917 г. и революционной эпохи. Успех этого начинания был во многом связан с личной заинтересованностью в нём И. В. Сталина. Этот проект был самым длительным по времени, он реализовывался в течение 1931–1949 гг. Всё это время ответственным секретарем проекта и заведующим одноимённым издательством был известный историк И. И. Минц. В 1930-е гг. он некоторое время также возглавлял объединённое издательство «ИФЗ и ИГВ».

Одновременно с «ИГВ» в 1941–1945 гг. Минц был фактическим руководителем ещё одного важного исторического начинания, которое в последнее время привлекает заслуженное внимание специалистов – деятельности Комиссии АН СССР по истории Великой Отечественной войны [4]. Показательно, что в начальный период войны идея собирания материалов о войне, чтобы сохранить память о ней для потомков, независимо друг от друга возникла сразу у многих

историков. Осознавая особенно остро, в силу своей профессии, судьбоносный характер события, свидетелями которого они являются, уже летом–осенью 1941 г. московские историки стали вести дневники, составляли хронику, собирали документы, листовки и обращения, вырезки из газет военных лет. Среди них был, например, известный москвовед, сотрудник Института истории АН СССР П. Н. Миллер.

Однако необходимо было организовать научную структуру со штатом сотрудников и добиться её финансирования. Главным инициатором создания Комиссии по истории Великой Отечественной войны выступил член-корреспондент АН СССР И. И. Минц. Одобрение он получил после того, как в начале декабря 1941 г. немецкие войска были отброшены от Москвы. «Комиссия Минца» (так её для простоты называли), в которой работали профессиональные историки и другие гуманитарии (литераторы, журналисты, др.), была официально создана 10 декабря 1941 г. и просуществовала до декабря 1945 г., влившись затем в структуру Института истории АН СССР на правах его сектора [27, с. 3–8]¹.

Наряду с собиранием официальных документов, фотоматериалов и др. Комиссия Минца уделяла особенное внимание стенографированию бесед с военнослужащими по горячим следам боёв. Говоря современным языком, это был масштабный проект «устной истории», осуществлённый раньше Гарвардского и других схожих западных проектов. Его реализация соответствовала идеям Минца: не только факты и цифры, но и чувства и переживания человека на войне представляют ценность для истории.

¹ *Напр.*: Шмидт С. О. Тема «История Великой Отечественной войны» и «Историки в Великой Отечественной войне» на страницах Археографических ежегодников // Археографический ежегодник за 2005 год. М., 2007. С. 3–8; Кондакова Н. И., Куманев Г. А. Ученые-гуманитарии в годы Великой Отечественной войны. Документы. Материалы. Комментарии. М., ИРИ РАН, 2004.

Их фиксация в стенограммах бесед стала «визитной карточкой» Комиссии – задолго до того, как в исторической науке произошёл «антропологический поворот» и появилось исследовательское направление «история чувств и эмоций».

Исходя из современных задач популяризации исторических знаний, наибольший интерес представляет опыт 1930-х гг. по созданию «Истории фабрик и заводов», на котором имеет смысл остановиться подробнее. В сентябре 1931 г. обладавший огромным авторитетом в стране пролетарский писатель Максим Горький выступил в центральной печати с призывом написать «историю фабрик и заводов СССР». Работа по ИФЗ должна была ознаменовать начало коренного пересмотра представлений об истории России в целом. Предстояло написать «пролетарскую историю». В ИФЗ всё должно было стать новаторским: форма и содержание книг, их идейный и воспитательный заряд, характер подготовительной и творческой работ.

Впервые в отечественной историографии главным действующим лицом исторических событий должен был стать не хозяин и не директор завода, не машина, а трудовой коллектив и рабочий человек – революционер и созидатель, с его собственным видением мира, собственным голосом и отношением к прошлому и настоящему. Сейчас бы учёные назвали такой подход предтечей «социальной истории» и попыткой предоставить возможность «маленькому человеку труда» рассказать собственным языком о себе самом и о своём времени.

Рабочие – главные творцы современной истории, считал Горький, долгое время были «вычеркнуты» из истории и обделены научными знаниями о своём прошлом. После революции они получили возможность восстановить эту несправедливость, но для них проще сделать это именно через историю предприятий. Рабочие должны были стать активными участниками начинания, т. к.

никто лучше них не знает свой завод. Предполагалось, что ветераны и молодёжь будут собирать документальный материал, делиться своими воспоминаниями, а наиболее талантливые из рабочих примут участие в написании рукописей. Задача же профессиональных литераторов и историков сводилась к тому, чтобы помочь рабочим своими знаниями, «на материале, который даст нам рабочий, усилить, заострить его идеологическое вооружение»¹. В ходе написания ИФЗ должна была родиться новая форма исторической литературы, сочетающая научность и документальность с ярким, популярным и доступным широким кругам читателей стилем изложения, – задача, актуальная и для дня сегодняшнего. Для этого, полагал Горький, необходимо лишь объединить усилия рабочих, литераторов и историков в практической работе.

Инициатива была поддержана руководством страны. 10 октября 1931 г. вышло соответствующее постановление Политбюро ЦК ВКП(б), ставшее директивой для партийных организаций, предприятий, творческих союзов и др.² Она соответствовала и общественным настроениям начала 1930-х годов. Показательно, что о желании писать свою историю неожиданно заявили не только коллективы крупных заводов, но и группы энтузиастов с небольших артелей, а также железных дорог, шахт, нефтепромыслов, научных учреждений, парикмахерских, мельниц, совхозов и даже лагерей ОГПУ и трудовых коммун для малолетних преступников³.

С самого начала возникла дилемма: как при сохранении массовости и общественной инициативы, на чём настаивал Горький, не допустить «анархию» и ввести эту работу в организованное русло?

¹ А. М. Горький и создание истории фабрик и заводов: сб. док и мат. / ред.-сост. Л. М. Зак. М.: Соцэкгиз, 1959. С. 27.

² Правда. 1931. 11 октября.

³ Архив А. М. Горького при ИМЛИ. КГ-П 1-1-27.

Тем временем на местах стала создаваться система соответствующих структур: от заводских, областных и республиканских редакций до Главной редакции и Секретариата ИФЗ. Часть сотрудников работала в них за плату, другие – на общественных началах. Зачастую это зависело от финансовых возможностей предприятий, взявших на себя значительную часть расходов.

Хотя общественная инициатива на словах поощрялась, однако общее руководство работой на местах (и, соответственно, ответственность за политическую корректность) возлагалось на заводской партком, объективно заинтересованный в ограничении «самостоятельности». Кроме того, финансовую, организационную, методическую и иную помощь получали только те объекты, которые присылали в Главную редакцию свои заявки, отчёты, планы рукописей и после соответствующего обсуждения были включены ею в специальные списки объектов первой или второй очереди. Неудивительно, что во многих случаях, не будучи подкреплён организационно либо оказавшись «спущенным на тормозах» парткомом, общественный энтузиазм постепенно затухал.

По мере завершения сбора материалов и появления рукописей возникла потребность в «доработке» и тщательном редактировании авторских текстов. С этой целью в 1932 г. Главной редакцией ИФЗ для каждого из 26 предприятий, историю которых решили подготовить в первую очередь, были созданы Центральные редакционные комиссии (ЦРК), в состав которых входили ответственный руководитель и специалисты: литераторы, историки, журналисты, экономисты. В октябре 1932 г. в составе Главной редакции ИФЗ была образована особая Политическая редакция для окончательного просмотра готовых рукописей перед передачей в набор¹. В начале 1933 г. в си-

стеме ОГИЗа появилось и издательство ИФЗ [7, с. 71–77].

Горькому удалось привлечь к работе многих известных историков и литераторов, в числе последних были Алексей Толстой, Михаил Зощенко, Илья Ильф и Евгений Петров, Валентин Катаев, Фёдор Гладков, Борис Пильняк, Виктор Шкловский, Всеволод Иванов, Юрий Либединский и др. Некоторые из них включились в деятельность авторских коллективов по своей инициативе или по личной просьбе Горького, другие были посланы на заводы творческими организациями. В отличие от рабочей общественности с литераторами заключались гонорарные договоры.

В состав Главной редакции вошли такие влиятельные деятели, как Л. М. Каганович, П. П. Постышев, А. А. Андреев, Н. И. Бухарин, Л. З. Мехлис, А. С. Енукидзе, А. И. Стецкий и др. С одной стороны, это придавало начинанию необходимый политический вес. С другой, занятость на основной работе не позволяла им играть в начинании активную роль. Но при этом без согласования с ними невозможно было решить ни один значимый вопрос. Со временем невозможность оперативного принятия решений переросла в серьёзную проблему.

Начинание оказалось соткано из множества противоречий. С одной стороны, Горький настаивал на необходимости правдивого и исторически достоверного освещения прошлого с опорой на факты, документальные свидетельства и проч. Однако используемые писателями литературные приёмы предполагали допустимость вымысла, вплоть до введения вымышленных персонажей, диалогов и др. Поскольку приёмы работы историков и писателей отличались между собой, их совместная работа над рукописями оказалась проблематичной. Рассеялись и иллюзии относительно рабочих, особенно из числа ветеранов: многие из них по своему образовательному уровню оказались слабо подготовлены к участию в ИФЗ. В

¹ В состав Политредакции вошла пятерка: А. М. Горький, Л. М. Каганович, П. П. Постышев, А. С. Енукидзе и А. С. Стецкий.

итоге актив начинания на местах формировался, главным образом, за счёт рабкоров, литкружковцев и рабочих авторов из числа «молодняка».

Однако центральным противоречием всё же оказалась коллизия между историческим характером начинания и его идеологическими установками. Политизация в работе по ИФЗ постоянно нарастала, чему способствовало появление в конце 1931 г. письма И. В. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» [25, с. 612–613]. Вокруг него развернулась широкая пропагандистская кампания, в т. ч. и в структурах ИФЗ. Сталин предлагал заменить «исторический объективизм», характерный для критикуемых им учёных, классовым содержанием истории. «Кто же, кроме безнадёжных бюрократов, может полагаться на одни лишь бумажные документы», – писал он, ставя под сомнение значимость любых документов как важнейших источников информации о прошлом [7, с. 71–77]. Появление письма Сталина внесло сумятицу в работу заводских коллективов, поскольку указания Горького и сам пафос начального этапа горьковского начинания противоречили новым сталинским директивам.

Крайне важно, что работа ИФЗ возбудила общественный интерес к прошлому, к документальным богатствам архивов. В первый период работы (конец 1931 – начало 1933 гг.) основное внимание заводских редакций было сосредоточено на поиске материалов для будущих книг. Подобная деятельность развернулась как минимум на нескольких сотнях предприятий по всей стране. Именно в данном контексте и применительно к начальному периоду ИФЗ можно говорить о массовом характере горьковского начинания. Ветераны из числа рабочих приносили из дома фотографии, письма и другие личные документы. На заводах начался сбор автобиографий и воспоминаний, а на Метрострое решили вести дневники [8, с. 166–171]. После трудовой смены в свободное время активисты из числа ра-

бочих и служащих разбирали заводские архивы, искали и изучали старые подшивки газет, «прочёсывали» библиотеки. Когда сотрудники редакции московского завода «Красный пролетарий» попали в свой заводской архив, находящийся в подвале, то увидели «тысячи беспорядочно лежащих связок на полках вдоль стен и непроходимые дебри книг и разлетевшихся бумаг на полу, горы которых в отдельных местах превышали человеческих рост...» [20, с. 199]. Необходимо было вначале упорядочить и описать эти документы.

Бригады рабочих явились в читальные залы государственных архивов, чтобы самостоятельно или с помощью архивистов изучить архивные фонды, относящиеся к истории их предприятий. Скопированные ими документы поступали затем в распоряжение заводской редакции и становились документальным «сырьём» для авторов рукописей. Однако для неискушённых в заводской истории рабочих заранее определить важность того или иного документа было затруднительно, поэтому, как правило, они брали «всё подряд».

Другим центральным направлением деятельности заводских редакций стал сбор мемуаров, которые тоже впоследствии пригодились авторам книг. Собственноручные записи воспоминаний и автобиографий рабочими не получили широкого распространения в силу их недостаточной грамотности и владения пером. Но рассказчиками многие из «стариков» были отменными. Они хорошо помнили свою молодость, случаи из жизни, подробности быта ушедшей эпохи, преломляя через собственную судьбу события заводской истории, начиная с конца XIX в. Редакции ИФЗ занялись поиском ветеранов (в т. ч. пенсионеров, выдвиненцев, перешедших с завода на другую работу и проч.) и стенографированием индивидуальных или групповых бесед с ними, а также организацией массовых вечеров воспоминаний с при-

глашением молодых рабочих. Как правило, для этого составлялись вопросники, чтобы «сориентировать» приглашённых на главных темах заводской истории и на сюжетах, не получивших отражение в заводских документах. Так, редакция московского Электрозавода наметила опросить около 500 чел. На столичном «Серпе и молоте» было найдено свыше 220 ветеранов – участников первой русской революции, а на «Трёхгорке» – 76 бывших дружинников декабря 1905 г. и 5 участников событий октября 1917 г. [7, с. 92]. Особенно интересно проходили «тематические» групповые вечера воспоминаний, на которых старые рабочие дополняли и поправляли рассказы друг друга, спорили о том или ином событии или сюжете заводской истории. ИФЗ стала одним из первых значительных опытов «устной истории» в России, а сохранившиеся стенограммы вечеров воспоминаний и сегодня не потеряли своей ценности.

В связи со сбором документальной базы для ИФЗ рабочие неминуемо получали широкий доступ к самой разнообразной информации о прошлом своего предприятия. При этом заранее предусмотреть, что именно «крамольного» расскажет на вечере воспоминаний давно вышедший на пенсию ветеран или что удастся найти и прочитать самим рабочим, например, в завалах заводского архива, было невозможно. Многие ветераны, чьи воспоминания стенографировались во время публичных выступлений на заводе, ранее состояли в других партиях, в оппозициях, и в начале 1930-х гг. не скрывали своего «особого мнения» на события недавней истории. Однако нарастание политизации способствовало разочарованию части активистов в ИФЗ и их отходу от горьковского начинания.

Написание текстов на основе собранных документов тоже шло с большим скрипом. В силу объективных и субъективных причин сроки предоставления рукописей неоднократно срывались, часто менялся состав авторов. В обстанов-

ке начавшихся политических репрессий, вымарывания имён «врагов народа» и связанной с этим перестраховкой большинство текстов так и не были доведены до типографии, увязнув в бесконечных обсуждениях, редакторских правках и цензурных ограничениях. Из указанных в изданном рекламном проспекте 30 книг основной серии ИФЗ к началу 1938 г., когда работа была полностью прекращена, было выпущено всего лишь 6 книг, а также ещё 6 наименований, не вошедших в первоначальный список.

Однако не дожидаясь одобрения и выхода книг, заводские редакции стали публиковать «пробные» разделы и отрывки рукописей в своих заводских многотиражках, нередко с практическими целями – собрать мнения работников завода о том, соответствует ли написанное тому, чему они были свидетелями. Летом 1933 г. на московском Автозаводе пошли ещё дальше: написанные к этому времени предварительные тексты четырех глав издали на ротаторе отдельными брошюрами тиражом 400–500 экз. Их распространили среди старых работников и послали в заводскую библиотеку. Через неё поступило более 100 письменных пожеланий, а всего к началу 1935 г. заводская редакция собрала около 400 отзывов [11, с. 191–199]. После их систематизации и изучения авторы приступили к доработке рукописей.

Опыт «массового редактирования» как формы участия рабочих в создании истории своих предприятий был поддержан руководящими органами ИФЗ. В конце 1933 г. Секретариат ИФЗ решил: «для обеспечения массового редактирования и всесторонней проверки предполагающихся к изданию книг считать целесообразным печатание наиболее характерных и важных отрывков и рукописей особыми оттисками...»¹.

Главная редакция и лично Горький были крайне заинтересованы как можно быстрее показать «товар лицом». Поэто-

¹ Архив А. М. Горького при ИМЛИ. КГ изд. 25-50-1.

му они всё время подгоняли заводские редакции. Однако выяснилось, что «кавалерийским наскоком» создать качественную книгу невозможно. Поэтому в список заводов первой очереди было включено много предприятий, на которых уже имелся «задел», а в ряде случаев – почти готовые рукописи, созданные в рамках предшествовавших исторических проектов 1920-х гг.

Стоит учесть и ещё одно обстоятельство – претензию руководства ИФЗ на монополизацию данной тематики, чтобы впредь любая деятельность по истории предприятий согласовывалась с планами горьковского начинания, а соответствующие рукописи издавались исключительно под грифом ИФЗ¹.

В число предприятий, историю которых предполагалось написать и издать в первую очередь, вошли столичные «Трёхгорная мануфактура» и «Серп и молот» (бывший завод Гужона). Коллективы историков Комакадемии начали монографическое исследование этих заводов в 1930 г., а после призыва Горького осенью 1931 г. они продолжили эту работу уже в рамках ИФЗ. Однако пробные рукописи, написанные учёными в академической манере, в 1933 г. были раскритикованы Горьким за «политическое и литературное косноязычие авторов»². Что касается недостатка художественности, то литературное редактирование текста могло исправить ситуацию. Значительно более серьёзные последствия имела критика Горьким, по его мнению, политической «беззубости» историков. Нужно сказать, что обвинения в «объективизме» сопровождали их с самого начала работы ИФЗ.

К числу научных работ, всё же изданных в серии ИФЗ, относится книга историка С. М. Лапичкой «Быт рабочих Трёхгорной мануфактуры» [17]. Сравне-

ние окончательного варианта с первичным материалом, а также с начальными вариантами глав показывает, насколько тщательно шёл процесс редактирования текста с учётом политических реалий эпохи. По этим причинам большое количество материалов, в т. ч. воспоминаний, собранных в подготовительный период работы и дошедших до нас в архиве, оказались невостребованными. К примеру, из стенограммы беседы с Г. Ф. Романовым узнаём о недовольстве рабочих Трёхгорки «великим переломом» конца 1920-х гг. Эта политика Сталина, по их мнению, противоречила ленинским установкам.

Надежды Горького на выработку в ходе создания ИФЗ принципиально новой, коллективной формы книг, а также на сотрудничество профессиональных историков и литераторов, оказались мало осуществимы. Практика показывала, что авторы рукописей тяготели к индивидуальному творчеству.

С середины 1930-х гг. в условиях нарастания политизации жизни наблюдался спад в работе по ИФЗ. Рубежом в истории горьковского начинания стало начало 1935 г. В это время была арестована группа молодых историков – учеников В. И. Невского. Среди репрессированных оказались члены руководящих органов ИФЗ, рецензенты и авторы рукописей по истории заводов П. П. Парадизов, В. З. Зельцер, П. И. Анатолийев и др. Тем самым на это историческое начинание легла печать неблагонадёжности. После убийства С. М. Кирова одновременно началась кадровая «перетряска» в Ленинградской областной и в заводских редакциях ИФЗ. С середины 1930-х гг. сворачивается работа на уровне предприятий: одна за другой прекращают функционирование заводские редакции, редким явлением стали вечера воспоминаний. Работа переместилась в плоскость «кабинетной» деятельности немногочисленных авторских коллективов.

По степени конъюнктурности и по-

¹ Это вызвало возражения, в частности, испартов, которые стремились продолжать самостоятельную работу на заводах и издавать книги в Партиздате.

² А. М. Горький и создание истории фабрик и заводов. С. 214–219.

литической «выверенности» тексты 1936–1937 гг. заметно отличались от материалов начала 1930-х гг. На словах руководители ИФЗ продолжали ратовать за историзм, однако на практике история предприятий всё более жёстко подгонялась под заранее заданную схему. То, что не вписывалось в неё или уже оказалось под запретом (факты, имена, документы), как правило, «отсеивалось». Но для этого от сотрудников ИФЗ, авторов, редакторов, рецензентов рукописей требовались чудеса «политического нюха». Правда, предугадать, кто именно из вчерашних героев заводской истории завтра будет объявлен врагом и «вычеркнут» из истории к моменту завершения рукописи, было непросто. Тем временем среди авторов и сотрудников редакций тоже начались «посадки». А репрессирование автора означало и репрессирование самой готовящейся книги.

Обречённость начинания окончательно стала ясна в связи со смертью Горького в 1936 г. В начале 1938 г. работа по истории фабрик и заводов была официально прекращена.

Исторические проекты 1920–1940-х гг. были, на первый взгляд, довольно разными. Но с другой стороны, они имели немало сходства. Помимо отпечатка, который, безусловно, накладывала на них эпоха, эти проекты зачастую осуществлялись одними и теми же историками или другими гуманитариями, между этими проектами прослеживается преемственность форм и методов работы, все они тяготели к сочетанию научности и популярности, были в конечном итоге ориентированы на формирование исторических представлений у массовой аудитории. Именно поэтому опыт, как положительный, так и отрицательный, исторических инициатив 1920–1940-х гг. актуален для разработки современной исторической политики и для развития исторической науки, в которой презентизм начинает играть всё более важную роль.

Маслов Д. В.

Освещение советской истории в советской историографии периода перестройки¹

Если известное суждение об истории как политике, опрокинутой в прошлое, и имеет под собой основания, то именно период горбачёвской перестройки в СССР дал этому достаточно подтверждений. Остановимся на некоторых причинах, особенностях и результатах переосмысления советской истории в указанный период.

Задумавшийся ещё в 1990 г. о причинах такого пересмотра известный историк В. В. Согрин склонился к выводу, что ни появление новых фактов, ни обновление методологии исследований причинами в данном случае не являются. В качестве причины он назвал неудовлетворённость общества прежними представлениями об отечественной (прежде всего, советской) истории [22, с. 6–7].

Но запрос на пересмотр истории шёл не только со стороны общества, но и «сверху», от власти. Переосмысление истории явилось не только элементом объявленной реформаторами политики гласности, но и важным звеном в обосновании ими тезиса о глубине кризиса, в котором оказалось (по мнению руководства) советское общество к 1985 г. В первые перестроечные годы ссылка на доставшееся реформаторам «тяжёлое историческое наследие» выступала в качестве аргумента, позволяющего объяснить проблемы в реализации самой политики перестройки.

Такие задачи исторической критики во многом определили её содержание и состав главных действующих лиц.

В 1986–1987 гг., на начальном этапе пересмотра истории, критика прошлого была адресована, прежде всего, брежневскому периоду, за которым надолго за-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43005.

крепился ярлык «застоя». То, что начали с Л. И. Брежнева, которому и лично перепала значительная доза порой не столько взвешенной критики, сколько унижительных оскорблений, не случайно. Его эпоха непосредственно предшествовала перестройке, поэтому именно в ней реформаторы попытались обнаружить причины возникших проблем. Примечателен и сам термин («застой»), характеризующий представление о задачах горбачёвской команды, как она ставилась изначально. Главная проблема страны состояла, по мнению лидеров этой команды, в отставании СССР, отсюда и необходимость ускорения. Современные исследователи (в частности, А. В. Шубин) полагают такой подход неверным и породившим новые трудности; проблемы советской экономики носили структурный характер. Но в 1985 г. подходы были иные.

Отсутствие у политики перестройки осязаемых успехов и даже нарастание трудностей вызвали новую волну исторической критики. Примерно в 1987–1988 гг. предстояло доказать, что глубина предперестроечного кризиса оказалась более значительной, чем это виделось ранее. Два десятилетия «застоя» оказывались при таком подходе явно недостаточным периодом для обоснования столь масштабного кризиса. Вводится не только в публицистику, но и в научный оборот термин «административно-командная система», на которую и предстояло списать проблемы, как прошлого, так и самой перестройки. Корни данной «системы», согласно авторам этой концепции (в частности, активно публиковавшегося в те годы экономиста Г. Х. Попова), уходят в период 1930–1950-х гг. Так был сделан следующий шаг в исторической критике – переосмысление сталинской эпохи и роли личности самого вождя.

Нельзя сказать, что критика того, что стали громко именовать «сталинизмом», явилась логическим продолжением того, что было начато во времена хрущёвской оттепели. Инициаторы новой антиста-

линской волны при Горбачёве, наоборот, всячески подчеркивали, что хрущёвская критика Сталина и его эпохи была противоречивой и незавершённой. Но именно в силу такой оценки хрущёвской десталинизации горбачёвская её волна оказалась не просто критической. Она стала, по сути, уничтожающей. Сталину и его системе в короткий срок был вынесен не подлежащий обжалованию «смертный приговор». Личность и деятельность И. В. Сталина были подвергнуты зубодробительной критике, начисто исключающей какие-либо позитивные черты в облике бывшего вождя. Он быстро стал сугубо отрицательным героем по всем «номинациям»: его интеллект, моральные и деловые качества преподносились в самых неприглядных тонах и выражениях. Лишь немногие тогда задумывались об объективности такой «критики», многим она виделась как открытие «белых» («чёрных») пятен в истории. Тот факт, что маятник развенчания Сталина и сталинизма так резко качнулся в одну сторону, станет одной из причин того, что в дальнейшем начнётся своеобразная реабилитация образа вождя и его эпохи в общественном сознании [6]. В этом можно усмотреть определённую закономерность процесса пересмотра истории вообще. Но всё это произойдет в основном уже после перестройки.

Тон в этой критике (если её вообще можно так называть) поначалу задавали не историки, а публицисты, журналисты, представители других творческих профессий. Можно вспомнить сразу ставший культовым фильм Т. Абуладзе «Покаяние», прогремевший на экранах страны в начале 1987 г. Снятый ещё до перестройки, фильм буквально потряс своим антисталинским запалом. И хотя по прошествии лет художественные достоинства фильма, как и его нравственная составляющая (в основе которой чуждый нравственно здоровым людям сюжет гробокопательства), выглядят весьма сомнительными, на пике своей популярности

фильм воспринимался едва ли не как документальный. Подключившиеся к теме «толстые» журналы (А. Рыбаков «Дети Арбата» и другие произведения) застолбили лидерство в освещении сталинской эпохи за деятелями культуры.

Робкие попытки остановить шквал разоблачений пресловутого сталинизма наталкивались на преграды в лице руководителей государства. Показательна в этом плане памятная история с письмом преподавателя вуза из Ленинграда Н. Андреевой «Не могу поступаться принципами». Автор письма, признавая ошибки и преступления сталинской эпохи, призвала не вычёркивать и то положительное, что было в те годы. Содержание письма было выдержано в духе примирения с недавней историей и по нынешним временам выглядит почти банально. Тем удивительнее реакция высшего партийного руководства на этот документ. В условиях, когда проблемы страны становились всё острее, члены Политбюро ЦК КПСС во главе с генсеком 2 дня подряд (!) обсуждали на своих заседаниях эту статью! А спустя несколько недель М. С. Горбачёв провёл в 3 захода ещё и совещания в ЦК КПСС с первыми секретарями региональных партийных организаций, выясняя их отношение к статье Андреевой и заодно «вправляя мозги» тем, кто понимал статью «неправильно»¹. Как выяснилось, повышенное внимание статье рядового ленинградского преподавателя было связано с тем, что руководство КПСС разглядело в газетной публикации вызов политике перестройки. Так история вновь стала полем горячих политических дискуссий. Разгром статьи Н. Андреевой, учинённый на самом «верху», стал сигналом обществу, что остановки в критическом пересмотре истории не будет.

Позиция высшей партийно-государ-

ственной власти по вопросу пересмотра истории – тема отдельного разговора. Здесь же отметим лишь, что в целом ряде случаев она носила характер импровизации. Весьма показателен факт оценки Вторым съездом народных депутатов СССР в декабре 1989 г. советско-германского договора о ненападении. Этот высший на тот момент орган государственной власти СССР, не представив оригинала документа, признал факт наличия «секретного протокола» к договору, чем не только санкционировал не основанное на прочной источниковой базе дальнейшее обсуждение этой темы, но и усилил дезинтеграционные процессы в СССР, дав прибалтийским сепаратистам дополнительные козыри в пользу версии о якобы оккупации их государств Советским Союзом в 1940 г.

Ещё один факт на тему «власть и истории». В 1988 г. группе историков партии решением Политбюро ЦК КПСС было поручено написать «Очерки истории КПСС» в духе новых веяний. Работу курировал член Политбюро А. Н. Яковлев. Участник этой работы В. В. Шелухаев отметил в дневнике по итогам встреч с куратором сложившееся у авторского коллектива мнение о том, что «наверху» не очень понимают, что именно хотят получить в результате [26, с. 97, 106–107].

Сообщество профессиональных историков поначалу оказалось несколько в стороне от процесса пересмотра истории. Писать историю по-старому было уже невозможно, а чтобы работать по-новому требовалось время – как для поиска и критического анализа источников, так и для теоретического осмысления пройденного страной пути. Поскольку общество не хотело ждать, а давление на историков усиливалось, на первых порах немалая их часть предпочитала объяснять исторические события по известному принципу «с одной стороны... с другой стороны». Такой осторожный (и вполне разумный для того времени) приём лишь усиливал недоверие к историкам и порождает подозрения в утаивании ими

¹ В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черныяева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991) / сост. А. Черныяев, А. Вебер, В. Медведев. М.: Горбачев-Фонд, 2008. С. 299–307, 312–347.

неких секретных документов, в которых якобы и сокрыта вся правда истории.

Приметой времени стало постоянное подчёркивание историками относительности своих выводов, призывы к диалогу, поиску истины через дискуссии. Однако в советском обществе на пике перестройки возобладала тенденция к простым и скорым ответам на любые вопросы. Поэтому переход к следующему этапу пересмотра истории становился неизбежным.

Мощная волна десталинизации неизбежно подвела общество к вопросу об истоках сталинизма и административно-командной системы. Как общество в целом, так и историки разделились на тех, кто рассматривал сталинизм как отклонение от гуманистических идеалов Октябрьской революции (или их предательство), и тех, кто усматривал прямую связь между революцией и сталинизмом, выводя одно из другого. В 1989–1990 гг. эта дискуссия стала прологом к постановке немыслимого ранее вопроса о сущности Октября, роли В. И. Ленина и большевиков в российской истории. Активная публикация мемуаров и дневников представителей антибольшевистской политической мысли стала хорошим подспорьем профессионалам; большинству же обывателей пришлось испытать буквально шок от неожиданно и без всякой системы свалившейся на их головы исторической информации. Каким-то образом самостоятельно упорядочить этот хаос фактов и оценок большинство граждан были просто не в состоянии.

Такая ситуация в сфере исторических источников, с одной стороны, и нарастание кризиса политики перестройки, с другой, быстро пополняли ряды тех, кто с лёгкостью разочаровывался в прежних идеалах, усматривая корень всех бед в событиях октября 1917 г. И если двумя годами ранее о Ленине уже начали говорить как о способном сомневаться политическом деятеле (что поначалу у многих вызывало неприятие), то к началу 1990-х гг. и среди историков стали публично

заявлять свою позицию те, кто именно в деятельности вождя большевиков обнаруживал истоки всех последующих проблем (можно назвать Д. А. Волкогонова, В. М. Лаврова и других, которых авторитетнейший исследователь биографии Ленина В. Т. Логинов назвал «лениноедами»). Методология антиленинских разоблачений выстраивалась без особого изящества и выдумки. Использовалась непроверенная информация, особенно из враждебных Ленину кругов, подтасовывались цитаты, действия Ленина вырывались из исторического контекста и объяснялись с абстрактно-гуманистических позиций конца XX в. Столь примитивная технология историописания, несмотря на робкие возражения профессионалов, легко «объясняла» масштабность случившихся со страной в XX в. катаклизмов, давала простые ответы на любые вопросы. К концу перестройки у советских граждан практически не осталось идеалов в советской истории. Даже в изучении Великой Отечественной войны акцент в публикациях смещался с её героической составляющей на трагедийную. Так, происходила дегероизация подвигов советских людей, вбрасывались порой фантастические цифры советских военных потерь и пр. Привычная доверчивость советского человека к печатному слову и здесь сыграла на руку любителям сенсаций. Развенчание советского прошлого за столь короткий срок сыграло, как представляется, одну из ключевых ролей в крахе советского строя и СССР как государства, выбив из-под них ценностную основу.

Историкам и не только ещё предстоит разобраться в причинах и содержании столь массового и быстрого отречения от собственной истории. Почему же советская историческая наука так и не успела за быстрыми изменениями общества в годы перестройки? Представим далее некоторые соображения на этот счёт.

Безусловно, нельзя игнорировать достижения советских историков того

периода. Им удалось ввести в научный оборот немало новых источников. В основном заслуга историков в том, что к отечественному читателю вернулись мемуары и исследования представителей русского зарубежья. В исторической науке установился дух поиска научной истины, творчества. Дискуссии стали нормой научной жизни. Сложнее с идеологией и цензурой. Общепринято, что и то и другое уже не довело над исследователями. Это верно в отношении коммунистической идеологии и партийной цензуры в их доперестроечном виде. Однако на смену одной цензуры незаметно подкралась другая, суть которой в том, что теперь уже становилось признаком дурного тона сказать (написать) хоть что-то позитивное о, например, Сталине и его деятельности. Есть масса примеров того, что исследователи, даже не пытавшиеся обелить сталинизм, попадали в «сталинисты» даже за робкую попытку объективного освещения этой темы. Конечно, такая общественная цензура на том этапе не могла способствовать полной свободе научного творчества.

Перейдём к другим объяснениям того, почему историческая наука оказалась не вполне готова к новым общественным вызовам эпохи перестройки [18]. Эти объяснения следует искать в содержании исторического знания того периода.

Серьёзной проблемой для историков (и обществоведов в целом) оказалась необходимость по-новому подойти к решению, как казалось ранее, давно ясных теоретических вопросов. Одним из них стал вопрос об определении сущности построенного в СССР общества. Критика административно-командной системы неизбежно подводила к вопросу: можно ли считать построенное в СССР общество социалистическим. Части обществоведов очень хотелось верить (именно верить, доказательности здесь было мало), что советская история завершилась в 1930-е гг. «не туда» и теперь предстоит выбраться на «правильный» путь. Ме-

тодологической основой такого убеждения чаще всего являлось сопоставление произвольно отобранных признаков советского общества сталинской эпохи с «образцом» социализма, обнаруживаемым обществоведами в работах Маркса, Энгельса и Ленина. Лишь у немногих исследователей возникал вопрос о правомерности сопоставления реальности с теорией и попыток вписать реальность в некие канонические рамки. А из этих немногих вообще единицы (И. М. Клямкин [23, с. 44], А. А. Зиновьев [10, с. 9]) ставили вопрос таким образом, что советский социализм – и есть социализм реальный (Зиновьев даже называет его коммунизмом), и никакого другого нет, коль скоро история этих других вариантов не предложила. Многие обществоведы в своих интеллектуальных построениях пытались нарисовать вариант идеального общества, в чём в очередной раз проявился утопизм сознания части отечественной интеллигенции.

Пока же одна часть обществоведов боролась за «очищение» социализма от сталинизма, другая их часть (в самом конце перестройки) и вовсе заявила, что «очищать» нечего и незачем, т. к. социализм, по их мнению, безоговорочно проиграл историческое соревнование с капитализмом и нуждается не в «капитальном ремонте», а в полном сломе. Тем самым подводились наукообразные предпосылки под грядущую смену общественного строя в СССР.

Рассуждения о моделях и путях развития социализма способствовали тому, что в 1987–1988 гг. особенной популярностью в среде обществоведов становилась идея альтернативности исторического процесса. Интерес к этому вопросу не был случайным, поскольку прежняя схема истории как однонаправленного развития перестала устраивать общество. К тому же необходимо было ответить на актуальный в практическом отношении вопрос: с какого момента советская история зашла «не туда»? На какое-то

время поиск исторических альтернатив («развилки») стал весьма популярным занятием. Эти альтернативы вдруг обнаружались на протяжении едва ли не всей советской истории: и в 1917 г., и в 1918 г. (альтернативы гражданской войне), и в 1929 г. (альтернативы свёртыванию НЭП и складыванию той самой административно-командной системы, «бухаринская альтернатива»), и в 1939 г. (альтернативы советско-германскому договору о ненападении) и т. д. Рассуждения об этих альтернативах, как правило, сопровождались сожалением об их нереализованности. Получалось, что едва ли не всякий раз, как возникали такие альтернативы, советская история неизменно уходила от них по другому, «неправильному» пути.

Подобные рассуждения, конечно, расширяли предметное поле исторических исследований, способствовали повышению внимания к ранее не востребуемым сюжетам и персонажам отечественной истории. Однако на этом польза от таких рассуждений в основном заканчивается. Проблема в том, что тексты с описанием таких альтернатив страдали существенными недостатками – абсолютной оторванностью от реальной истории, умозрительностью, игнорированием конкретно-исторического подхода, крайним упрощением исторического процесса. Нередко авторы таких рассуждений увлекались настолько, что начинали всерьёз размышлять на тему «что было бы, если бы...». Достаточно напомнить о том обилии материалов, в которых «доказывались» преимущества победы Бухарина над Сталиным в конце 1920-х гг. Какие только розовые картины при этом не рисовались: и рыночной социально ориентированной экономики, и расцвета демократии в СССР [2]. Робкие попытки некоторых обществоведов (например, И. М. Клямкина) призвать к анализу лишь тех альтернатив, за которыми стояли реальные социальные силы, наталкивались на обвинения в сочувствии ста-

линизму. На наш же взгляд, Клямкин был совершенно прав, заявив еще в 1988 г., на пике увлечённости поиском альтернатив, что «нельзя, оставаясь в рамках науки, доказать, могли ли события, имевшие место в прошлом, развиваться по-другому». Вопрос «могло ли быть иначе», по справедливому мнению Клямкина, «не из области науки» [23, с. 115]. Однако подобные вразумления остались тогда гласом вопиющего в пустыне.

Понимая, что такая альтернативность может вступить в противоречие с объективностью, Ю. Н. Афанасьев предлагал отделять «правду факта» (безальтернативную) от интерпретации исторического процесса, которая, по его мнению, не может существовать в единственном варианте [1, с. 505].

Несколько позже, в 1990 г., когда уже становилась очевидной сомнительность многих альтернатив, В. В. Согрин предложил выделять альтернативы идеологические (существующие только в сознании исследователя) и альтернативы реальные как тенденции исторического процесса, обеспеченные определённой социальной поддержкой. Применительно к советской истории 1930-х гг., по мнению Согрина, встречающиеся в литературе альтернативы носят в основном идеологический характер, т. к. в сложившейся тогда системе отсутствовал механизм реализации таких альтернатив [22, с. 14].

Увлечённость поиском и обоснованием альтернатив вскоре сойдёт на нет, но в годы перестройки она отнимет немало сил и времени у исследователей.

Говоря о других проблемах изучения советской истории в указанный период, остановлюсь ещё на изъянах в методологии исследований. Примеров применения негодных для изучения определённого сюжета методов научного познания, несоблюдения правил применения таких методов в изучении советской истории настолько много, что об этом можно писать самостоятельное исследование (впрочем, и в наше время ситуация не на-

много лучше). Приведём лишь некоторые иллюстрации сказанного, в которых методологические изъяны подвели к ошибочным выводам в серьёзных вопросах.

Так, в изучении советской эпохи широко применялся метод исторических аналогий. Пытаясь представить дополнительные доказательства отхода от социализма при Сталине, некоторые обществоведы выстраивали такой исторический ряд: сталинская система – средневековый феодализм – восточные деспотии. Понятно, что какие-то элементы сходства найти в обществах указанных типов нетрудно (как и в обществах любых типов вообще). Но как обосновать столь широкие исторические аналогии? Такой вопрос, как правило, на серьёзном уровне даже не поднимался. При этом сторонники таких аналогий нередко подчёркивали, что события советской истории аналогов не имеют [23, с. 9]. В таком столкновении тезисов можно обнаружить и логическое противоречие.

Иногда логическая несуразица выглядит просто вопиющей. Так, пытаясь доказать преступность коллективизации 1930-х гг., известный историк привёл такую статистику. По его сведениям, до начала коллективизации в советской деревне насчитывалось 30 млн лошадей. К 1933 г. (по его же данным) их осталось только 5 млн. При этом деревня получила тракторов общей мощностью 8 млн лошадиных сил. Исследователь легко складывает реальных лошадей с лошадиными силами тракторов, получает 13 млн (так и не ясно чего – лошадей или тракторов с их лошадиными силами) и уверенно делает вывод: 13 млн, естественно, намного меньше 30 млн, вот и доказательство преступности коллективизации [23, с. 110–111]. Как при этом можно умудриться складывать лошадей с лошадиными силами тракторов (понятно, что «лошадиная сила» – категория условная), исследователь не задумывается. Но даже на уровне здравого смысла очевидно, что ни 30, ни даже 100 лошадей не заменят одного

трактора.

Подобных примеров изучения советской истории можно привести в те годы немало.

Подводя итоги, отметим, что как усложнившиеся внешние обстоятельства, так и некоторые упомянутые внутренние трудности познания советской истории в годы перестройки не позволили исследователям глубже осмыслить этот непростой период отечественной истории. Цена известна – утрата советским социализмом своей привлекательности в глазах миллионов людей, тихая гибель советского строя и советского государства. Опыт перестройки, помимо прочего, показал необходимость бережного и уважительного отношения к собственной истории, недопустимость в этих вопросах спешки и стремления к простым ответам на любые вопросы.

Яснитский Н. А.

Становление проблемы исторического сознания: просветители о Средних веках

Одной из дискуссионных проблем при оценке исторической мысли эпохи Просвещения является трактовка Средневековья историками-просветителями. Наиболее распространённым в историографии является взгляд, согласно которому историки – просветители оценивали эпоху Средневековья крайне негативно, и в результате большинство историков эпохи Просвещения не уделяли Средневековью большого внимания.

Чаще всего ссылаются на Вольтера, считая, что его трактовка Средневековья являлась преобладающей трактовкой для большинства историков-просветителей. В его «Опыте о нравах и духе народов и о главных событиях истории от Карла Великого до Людовика XIII» при рассмотрении истории варварских народов, погубивших Римскую империю «испытываешь чувство, похожее на чувство путешественника, который покинул ве-

ликопепный город и оказался в пустыне, покрытой терниями». Вместо прекрасного латинского языка – 20 варварских наречий, вместо культуры и законов – только варварские обычаи. Цирки и амфитеатры, возвышавшиеся во всех провинциях, сменились хижинами, крытыми соломой. Большие дороги, такие красивые и прочные, проведённые от подножия Капитолия до гор Тавра, покрылись стоячими водами. Такой же переворот произошел в умах; Григорий Турский и монах Фредегар из Сен-Галлена – это наши Полибии и Титы Ливии. Человеческий разум огрубел среди самых подлых и бессмысленных суеверий... Вся Европа коснеет в этом унижении до XVI в. и освобождается от него лишь путём ужасных судорог». «Историю этого времени, – добавляет он, – необходимо знать лишь для того, чтобы её презирать» [32, р. 310]. Для подтверждения этого взгляда ссылаются и на оценку Средневековья Ж.-Б. Майи (1744–1794). И действительно, Майи называл феодализм «системой угнетения, которая являла собой правление кучки тиранов»: она «уничтожила понятие гражданина»; «человечество, в равной мере павшее и в верхах и в низах, не ведало при ней ничего, кроме гнусностей деспотизма и жестокостей рабства»; это «феодальное правление причиною, – по его словам, – массу зла» [29, р. 6].

В итоге, большая часть современных историков, например, М. А. Заборов, считает, что Средние века представлялись просветителям, принципиальным поборникам прогресса, почти сплошь в самых отрицательных чертах – эпохой анархии, варварства, тирании, нелепым временем мрака и невежества, грубости и насилия, страшных преступлений, выдававшихся за великие деяния, а главное, всепоглощающего мракобесия, фанатизма и суеверий, которые сковывали мысль и ставили неодолимые преграды свободе духа [9].

Такое мнение об оценке историками – просветителями эпохи Средневековья если и справедливо, то только отчасти

и в отношении лишь представителей французского Просвещения, хотя и у них встречаются компромиссные варианты трактовок этого периода. Так, например, Ж. А. Кондорсе (1743–1794) в «Очерке развития человеческого духа», с одной стороны, действительно характеризовал Средневековье как период «глубокого мрака». Но при этом всё же подчеркивал, что уже в XI–XV вв. начался прогресс человеческого духа, выразившийся в подъёме городов, увеличении количества людей, восстающих против коррупции, ханжества и суеверий. Кроме того, общеизвестный пример спора, начавшегося между Анри де Буленвилльё (1658–1722) и Жаном Дюбо (1670–1742) и продолжавшийся между их сторонниками до середины XIX в. о сущности и причинах возникновения сословий во Франции, также не позволяет отрицать у историков-просветителей Франции интереса и внимания к Средневековью.

Необходимо отметить и тот факт, что у наиболее заметных историков-просветителей Англии и Шотландии не прослеживается столь же негативное отношение к Средневековью, более того, они уделяют значительное внимание этому периоду. В большинстве исследований, связанных с характеристикой особенностей историографии английского Просвещения, анализируются концепции лишь двух историков-просветителей, так или иначе затрагивающих эпоху Средневековья – Г. Болингброка и Д. Юма. Исходя из этого, мы большее внимание уделим трактовкам Средневековья У. Робертсона и Э. Гиббона.

В отечественной историографии труды Робертсона (1721–1793) рассматриваются крайне редко. Тем не менее, его работы регулярно упоминаются в различных историографических сборниках [3; 12; 13; 15]. В зарубежной историографии также крайне мало фундаментальных работ, его исторические взгляды лишь частично затрагиваются в некоторых исследованиях при характеристике общих черт англий-

ской исторической мысли этого периода [16; 21; 28, р. 432; 33, р. 497–506]. Наиболее известное исследование Дугальда Стюарта «История жизни и сочинений Уильяма Робертсона» (1801), в сущности, носит характер эссе, освещающее лишь жизнь и личность историка.

Взгляды У. Робертсона на Средневековье отражены в его 8-томном сочинении «History of Scotland during the reigns of Queen Mary and King James VI» («История Шотландии во времена правления королевы Марии и короля Якова VI») (Лондон, 1759) и в 3-томном сочинении «History of the reign of the emperor Charles V» («История правления императора Карла V»), правившего в 1519–1556 гг. [30; 31].

Рассматривая историю Шотландии, Робертсон повествует о правлении Карла V (в 3–5 тт.), а в «Истории правления королевы Марии и Якова VI» Робертсон рассматривает период от гибели Римской империи до начала XVI в. Сущность и особенности просветительской концепции истории проявляются у Робертсона в том, что его особенно интересовало изучение социально-психологического аспекта истории. Так, период от 700–1100 гг. Робертсон называет «тёмными веками». Однако он также даёт описание этого периода как времени прогресса общества в Европе после крушения Римской империи, подтверждая это историческими доказательствами и иллюстрациями. Более поздний период (от XII в.) он связывает с дальнейшим увеличением числа образованных людей и формированием в связи с этим «новых нравов».

По его мнению, на протяжении нескольких столетий, с VII до XI вв., в Европе господствовала феодальная система, что делало государства уязвимыми. Причина состояла в отсутствии «внутреннего согласия» и развращении умов и нравов общества.

Робертсон считал, что кардинальные изменения начались во времена крестовых походов. Новые знания о других странах вызвали настоящую бурю соци-

альной энергии. Рыцарям требовалось всё больше и больше денег на удовлетворение своих потребностей, а потому служить барону было уже не выгодно, и на первый план вышли государи. Обращает внимание Робертсон и на экономический аспект, который обычно ускользает от внимания исследователей: с расцветом восточной торговли усиливаются позиции независимых городов, в результате постепенно, но неуклонно происходят изменения и в феодальной системе правления. Это, в свою очередь, порождает «дух промышленности», что повлекло за собой возникновение нового «духа законов».

В период Позднего Средневековья в Европе начала формироваться новая «политическая система», причинами которой стало новое «сословие граждан», возникшее благодаря стремительно развивающейся торговле и «равновесию в могуществе» и в результате перемен в образе жизни и «нравов».

Это новое сословие нуждалось в относительно стабильных политических и экономических отношениях между странами Европы, что и привело к попытке создания новой системы европейской безопасности. Подтверждением этого тезиса является деятельность испанского короля из династии Габсбургов Карла V: этот монарх попытался создать «мировую христианскую державу», но потерпел неудачу, заключив Аугсбургский религиозный мир в 1555 г., и был вынужден отречься от короны.

Робертсону важно было не столько рассказать своим читателям об исторических событиях, не столько дать им свою оценку, сколько вовлечь их в диалог. Это можно увидеть по оборотам, которые постоянно появляются в тексте сочинения. Например: «если мы можем верить нашим историкам», «если мы можем судить», очевидно, направлены на то, чтобы заставить читателя задуматься над приведённым материалом [30]. Так, например, в «Истории Карла V», Робертсон предлагает своему читателю в сопо-

ставлении мнения трёх авторов, которые писали о Тридентском Соборе, и открыто пишет, что он вправе руководствоваться любым из них [31, р. 59–61].

В «Истории Шотландии» историк действует так, будто и вовсе «расследует» преступление. Например: «...либо мы вменим намерение убийства Говрие, либо королю...» [30, р. 158–159]. При описании заговора в Шотландии 1600 г. Робертсон призывает читателя ответить вместе с ним на целый ряд вопросов.

Отдельно стоит отметить и то, что Уильям Робертсон акцентирует внимание читателей на источниковедческой проблеме исторического сочинения. В частности, историк не раз подчёркивал, что чаще всего используют недостоверные баснословные и отрывочные источники о ранних веках шотландской истории [30, р. 1]. Однако сам Робертсон в качестве источников использовал материалы из шотландских и английских архивов, он первым в английской и шотландской историографии стал использовать комплекс ссылок и сносок, которые помещал в конце каждой главы.

На наш взгляд, достаточно оснований, чтобы прийти к выводу как о постановке Робертсоном проблемы достоверности исторических сведений, так и о своеобразии решения им этой проблемы, что существенно отличает его от французских просветителей, чаще всего отрицавших достоверность средневековых источников.

Особенность трактовки Средневековья проявилась и в периодизации, предложенной Робертсоном. Например, он выделил в истории Шотландии 4 периода, исходя не из событий, а из особенностей подходов к изучению шотландской истории, по степени возрастающего интереса и накопления знаний о ней [30, р. 5–6].

Крайне важным представляется и логика построения исторического сочинения у Робертсона, которую он стремится объяснить читателям. Так, он всегда обозначал переход к той или иной теме: «При-

ступаю теперь к обзору политического состояния Германской Империи»; «Я возвращаюсь теперь к истории испанских открытий» и т. д. [30, р. 236–237, 326].

Эдуард Гиббон в своём фундаментальном труде «История упадка и разрушения Римской империи» также не обходит вниманием Средневековье. Б. Рассел приводит собственные слова Э. Гиббона, которые, по его мнению, совпадают с оценкой просветителей: «Я описал триумф варварства и религии».

Попытаемся определить, о чём пишет Гиббон в отношении того периода, что мы именуем Средневековьем. Во-первых, он подробно описывает возникновение варварских королевств на территории империи: королевство вестготов, франков, гепидов, вандалов, остготов, бургундов, лангобардов [5, с. 11–15, 32, 40–41, 75–77, 127–129]. При этом он, приводя подробности, подчёркивает вынужденность действий по использованию одних «варваров» против других для обороны границ империи сначала Аэция, а затем и других имперских военачальников, и попытки использования их междуусобицы для сохранения целостности Западной империи. Так, например, с приглашёнными в качестве вспомогательных войск и поселёнными в западных провинциях варварами Аэций подписывал мирные соглашения, «своевременно заключённый им с Гензерихом мирный договор предохранил Италию от нашествия вандалов; ... в Галлии и в Испании императорская власть была восстановлена, и он заставил побеждённых им на поле брани франков и севов сделаться полезными союзниками республики», две колонии аланов он «предусмотрительно поселил на территории Валенсии и Орлеана, а их ловкая кавалерия оберегала важные переправы через Рону и Луару» [5, с. 11].

Гиббон приводит множество примеров междуусобиц варварских племён, которые использовали римляне. Особое значение он придаёт этой тактике при отражении Атиллы. «После смерти Клодио-

на, царствовавшего двадцать лет, его королевство сделалось театром раздоров и честолюбия двух его сыновей. Младший из них, Мервей, стал искать покровительства Рима; он был принят при императорском дворе как союзник Валентиниана и как приёмный сын патриция Аэция и возвратился на родину с великолепными подарками и с самыми горячими уверениями в дружбе и в готовности оказать ему помощь. Его старший брат в его отсутствие искал с таким же рвением помощи Атиллы...» [5, с. 16].

Во-вторых, Гиббон определяет причины лёгкого «закрепления» варваров на отведённых или захваченных ими землях. По его мнению, одна из причин состояла в том, что «римское правительство становилось с каждым днём всё менее страшным для своих врагов и всё более ненавистным и притеснительным для своих подданных, подати увеличивались вместе с общей нищетой; ...незнакомые с чувством справедливости богачи переложили с самих себя на народ несоразмерное с его силами бремя налогов и обратили в свою пользу все те сложения недоимок, которые могли бы иногда облегчать народную нужду. Строгие расследования, кончавшиеся конфискацией имущества и сопровождавшиеся пыткой обвиняемых, заставляли подданных Валентиниана предпочитать более простодушную тиранию варваров, укрываться среди лесов и гор или вступать в низкое и презренное звание наёмных слуг» [5, с. 36].

В-третьих, Гиббон подробно останавливается на процессе развития всех варварских королевств в эпоху Средневековья, прослеживая влияние религии, взаимодействие и развитие «варварских правд» и законов римского периода, развитие систем землевладения и управления. Особого внимания при этом заслуживает позиция мыслителя относительно дискуссии в XVIII в., возникшей в результате публикаций работ Анри Буленвилье и Жана Дюбо: история «и философия обратили своё внимание на древности

Франции, но даже философы не могли предохранить себя от заразы предрассудков и страстей. Тогда стали опрометчиво придумывать и упорно защищать не допускавшие никаких исключений системы, в которых шла речь или о личном рабстве галлов, или об их добровольном и равноправном союзе с франками, а невоздержанные спорщики стали обвинять друг друга в заговоре или против прерогатив короны и значения дворянства, или против народной свободы» [5, с. 136].

Свою позицию Э. Гиббон формирует в результате кропотливого анализа и сопоставления всех доступных в его время источников: это и Григорий Турский, и Эйнхард. Как пишет сам Гиббон: «я извлёк много сведений из двух учёных сочинений Гейнеция: История и элементы германского законодательства». Обращался он и к трудам Фонсемана, Монтескье, Мабли, Муратори [5, с. 136–137].

В итоге Гиббон считает, что хотя «законы варваров были приспособлены к их нуждам и влечениям, к их занятиям и способностям», а римские законы были более совершенны, «Меровинги не пытались подчинить своих разнохарактерных подданных однообразным правилам поведения, а позволяли каждому живущему в их владениях народу или семейству не стесняясь придерживаться своих местных постановлений. ...Каждый гражданин мог заявить в присутствии судьи, под каким законом он желает жить и к какому национальному обществу он желает принадлежать» [5, с. 138]. И «такая снисходительность должна была совершенно упразднить преимущества победителей, а жившие в завоёванных провинциях римляне должны были терпеливо выносить неприятности своего положения, так как от них самих зависело усвоить особенности вольных и воинственных варваров и тем приобрести одинаковые с последними привилегии» [5, с. 138].

В частности, Гиббон конкретизирует те изменения в обладании землёй, которые произошли в Галлии. Завоеватели

германцы присваивали себе до 2/3 земель, но, как он подчёркивает, такое распределение ограничивалось только теми округами, в которых «победители селились или по собственному выбору, или по политическим соображениям своих вождей», понимавших необходимость иметь для управления территориями грамотных и образованных людей, что приводило к родственным бракам [5, с. 142–143].

Положительные изменения в Галлии, как и в других королевствах, происходили и в управлении, и в экономике [5, с. 153–159]. Вместо коня или воинских доспехов каждый заслуживший награду получал соразмерно своему рангу «бенефицию (это было первоначальное название и самая простая форма феодальных владений)» [5, с. 144]. Однако французское дворянство «превратило свои бенефиции в вечную наследственную собственность, этот переворот был благодеянием для земледелия, остававшегося в пренебрежении у таких хозяев, которые были лишь временными владельцами земли» [5, с. 144]. Делая это замечание, Гиббон ссылается на Мабли, который «удовлетворительно объяснил перемены, происходившие во владении бенефициями и ленными поместьями..., что составляет с его стороны такую важную заслугу, какой не оказал даже Монтескье» [5, с. 144].

Гиббон чётко формулирует свою позицию в отношении дискуссии поднятой Буленвилье и Дюбо, «всё вышеизложенное даёт нам право относиться с пренебрежением к противоречивым и, быть может, преднамеренным искажениям, с помощью которых иные старались ослаблять, а иные – преувеличивать угнетения, вынесенные под управлением Меровингов жившими в Галлии римлянами. Завоеватели никогда не издавали никакого *всеобщего* эдикта о рабстве или о конфискации» [5, с. 150]. Если и были правонарушения, то они «не были повсеместными и совершались без всякой системы, и большинство римлян пережило этот переворот, сохранив за собой

и отличительные особенности, и привилегии граждан. Значительная часть их земель была отобрана в пользу франков, но та, которая у них осталась, была освобождена от всяких налогов, и та же самая грубая сила, которая уничтожила в Галлии всё, что принадлежало к сфере искусств и промышленности, уничтожила и сопряжённую с большими расходами систему императорского деспотизма» [5, с. 150–151]. В подтверждение Гиббон приводит сведения о римлянах, которые занимали должности высших начальников в Бургундии и Галлии. Более того, «свирепые и необразованные варвары не допускались в течение многих поколений ни на церковные должности, ни даже в духовное звание. Галльское духовенство состояло почти исключительно из туземных провинциальных жителей, высокомерные франки преклонялись к стопам своих подданных, украшенных епископскими титулами, и суеверие мало-помалу возвратило этим епископам влияние и богатства, уничтоженные войной» [5, с. 151]. Та же ситуация была характерна и для других территорий, например, лангобардского королевства [5, с. 81–84].

Гиббон считает, что «успехи суеверий и варварства были быстры и повсеместны, поклонение святым скрывало Бога христиан от толпы, а грубый язык крестьян и солдат исказился под влиянием тевтонского языка и тевтонского произношения. Тем не менее, эти религиозные и социальные узы искоренили различия, основанные на правах происхождения и победы, и жившие в Галлии племена мало-помалу слились в один народ под именем и под управлением франков» [5, с. 152].

Ещё одно обстоятельство содействовало закреплению и развитию варварских королевств: это деятельность христианской церкви и особенно епископов Рима – римских пап. Светская власть римских первосвященников разрасталась из-за общественных бедствий и междоусобиц между варварскими королевствами, и

«римские епископы, впоследствии потопившие Европу и Азию в человеческой крови, были вынуждены властвовать в качестве представителей милосердия и мира» [5, с. 89]. Проявлялась светская власть вследствие приобретения «над своими арендаторами и землепашцами права суда не только в гражданских, но и в уголовных делах» [5, с. 89].

Примечательно, что Гиббон, которого чаще всего обвиняли в негативной оценке деятельности христианства, в данном случае подчёркивает её положительную роль: «послания Григория I наполнены полезными наставлениями избегать сомнительных и придирических процессов, оберегать правильность весов и мер, соглашаться на всякие благоразумные требования отсрочки в платежах и уменьшать подушную подать...» [5, с. 89]. В расходовании доходов с церковных земель Григорий «действовал как верный эконо́м церкви и бедных и щедро тратил на их нужды <...>. Многотомные отчёты о его доходах и расходах сохранялись более трёхсот лет в латеранском дворце как образец <...>. Во время четырёх больших церковных праздников он раздавал деньги за четверть года на содержание духовенства, своей прислуги, монастырей, церквей, кладбищ, богаделен, римских госпиталей <...>. В первый день каждого месяца он раздавал бедным, смотря по времени года, определённое количество хлеба, вина, сыра, овощей, оливкового масла, рыбы, свежих провизий, одежды и денег...» [5, с. 89].

Усиление власти римских епископов Григория II и Григория III в VIII столетии Гиббон связывает с их противодействием «иконоборческому движению», принявшим вооружённый характер, который привёл к возврату к республиканским формам управления. Византийский флот и армия, посланные для наказания проявивших неповиновение жителей Италии, потерпели поражение: «мужчины взяли за оружие для защиты своей родины, все партии соединились ввиду

общей опасности <...>. Иноземцы отступили к своим кораблям, но густонаселённое побережье выслало множество шлюпок против неприятеля. Воды так сильно окрасились кровью, что местные жители воздерживались в течение 6 лет от употребления в пищу рыбы из этой реки...» [5, с. 244].

В итоге именно организаторская деятельность римских епископов и «необходимость заставила жителей Рима обратиться к самым грубым формам республиканского управления, им пришлось выбирать в мирное время судей, а в военное время – вождей; знать собиралась на совещания, а её решения приводились в исполнение лишь с одобрения народной толпы. И сенат, и народ стали употреблять старинные республиканские выражения, но эти выражения уже утратили прежний смысл, а вновь приобретённую независимость позорили шумные столкновения между своеволием и угнетением. Только влияние религии могло восполнить недостаток законов, а делами и внешней политики, и внутреннего управления руководило влияние епископа» [5, с. 245–246].

Такие формы управления в VIII столетии существовали недолго, поскольку угроза нашествия лангобардов заставила римских епископов, начиная с Григория I и вплоть до Стефана III, неоднократно обращаться к франкам за помощью. Гиббон подчёркивает парадоксальность и неизбежность гибели этой формы управления: «во времена Карла Мартелла и Пипина Лангобардское королевство, отделяя Рим от франкской монархии, угрожало его безопасности, но вместе с тем охраняло его свободу <...>. Могущество и политика Карла Великого уничтожили врага римлян, но дали им повелителя» [5, с. 250].

Однако римские епископы попытались отстоять некоторую самостоятельность, эту попытку Гиббон связывает с «Константиновым даром». «Подлог служит пособием для слабости и лукавства,

и могущественные, но невежественные варвары нередко запутывались в сетях церковной политики. Ватикан и Латеран были арсеналом, мануфактурой, где, смотря по надобности, фабриковались или скрывались разнообразные коллекции подложных или неподдельных, искажённых или подозрительных документов, склонявшихся к поддержанию интересов римской церкви. В конце VIII столетия какой-то апостолический книжник, а может и знаменитый Исидор, составил декреталии и дарственный акт Константина – эти два магических столпа, поддерживавших духовное и светское владычество пап» [5, с. 252–253].

Обращает внимание Гиббон и на изменения, которые произошли в королевстве франков в эпоху Карла Великого. «Не иначе как с уважением я могу упомянуть о законах Карла Великого, которые были предметом стольких похвал со стороны одного почтенного знатока (Эйнхард – Н.Я.). Они представляют не цельную систему, а ряд случайных и мелочных эдиктов касательно уничтожения злоупотреблений, исправления нравов, хозяйственного управления его фермами, ухода за домашней птицей и даже продажи яиц <...>. И как бы ни были слабы и неудовлетворительны попытки <...>, они всё-таки достойны похвалы» [5, с. 260–261]. Не оставляет без внимания Гиббон и изменения в финансовой области и в просвещении: «Он издал законы о строгом взыскании десятинной подати <...>. О заслугах Карла Великого по части просвещения свидетельствуют: основание школ, введение искусств, изданные от его имени сочинения...» и поощрения, которые он оказывал учёным [5, с. 261].

Политические изменения в конце правления Карла Великого Гиббон оценивает негативно, поскольку «единство и прочность его империи зависели от жизни его одного; он последовал опасному обыкновению разделять владения между сыновьями, и, несмотря на то, что он много раз созывал сеймы, оставленные

им учреждения порождали то неурядицу анархии, то неурядицу деспотизма» [5, с. 261].

Ещё одни серьёзные изменения, на которые обращает внимание Гиббон, произошли в XI–XII столетиях. «Жители Ломбардии воодушевились промышленной предприимчивостью и стремлением к свободе». Причину этого Гиббон связывает с тем, что муниципальное управление продолжало существовать в итальянских городах, т. к. это объяснялось «политическими расчётами императоров, которые старались воздвигнуть из привилегии простого народа оплот против притязаний независимой аристократии» [5, с. 273]. Самое большое развитие это получило в Тоскане, где возникли несколько республик. Особенности управления позволяют Гиббону характеризовать их как республики. «Влияние каждого из городов распространялось на весь их диоцез или округ; в деревнях юрисдикция графов, епископов и маркизов была отменена <...>. Законодательная власть принадлежала общему собранию, но исполнительная власть была вверена трём консулам, избиравшихся из трёх сословий, на которые была разделена республика...» [5, с. 273].

Похожая ситуация, но в большем масштабе, была характерна и для германских земель, где возникла «великая федеральная республика. Сеймы, сначала собиравшиеся часто, а потом сделавшиеся постоянным учреждением, поддерживали национальное мужество, и права верховной законодательной власти до сих пор принадлежат трём разрядам или коллегиям избирателей – германским владетельным князьям, вольным городам и имперским городам...» [5, с. 276]. Вскоре, вслед за развитием общества, общины признали третьей законодательной властью, и это нововведение «проникло в ту же самую эпоху, в среду национальных собраний Франции, Англии и Германии» [5, с. 276].

Гиббон проводит интересное сравне-

ние между первым римским императором Августом и императором Карлом IV: «Если мы мысленно перенесёмся через промежуток времени, отделяющий Августа от Карла, мы найдём резкую и поразительную противоположность между двумя Цезарями – между богемцем, скрывающим своё бессилие под маской призрачного величия, и римлянином, скрывающим своё могущество под личной скромности» [5, с. 278].

Совершенно очевидно, что если подходить к эпохе Средневековья с позиций образца для подражания или как к периоду «поучительных примеров», то оценка этой эпохи у французских и английских историков-просветителей близка и явно негативная. Однако то внимание, которое уделяют английские историки попыткам кардинальных изменений, процессу развития обществ и государств в эту эпоху, позволяет говорить о существенном своеобразии их отношения к Средневековью. Косвенными подтверждениями этого вывода являются современные отечественные и зарубежные исследования, посвящённые общим проблемам развития Просвещения.

Современная отечественная историография приходит к выводу, что сегодня Просвещение уже не может рассматриваться как «однородный идейный блок. Его уже не рассматривают как некий доктринальный канон, содержание которого поначалу тесно связывалось с трудами великих мыслителей – от Локка до Юма, от Монтескье до Руссо, от Лейбница до Канта», а затем его распространение на так называемую «периферию» Просвещения [14, с. 100–104].

Таким образом, либо необходимо пересмотреть мнение об отрицательном отношении и недостаточном внимании историков-просветителей к эпохе Средневековья, либо согласиться с существующей в современной историографии трактовкой о наличии нескольких «вариантов», или, по крайней мере, о наличии существенных особенностей у англий-

ского, французского вариантов просветительской исторической мысли. Этой дискуссии был посвящён коллективный сборник зарубежных исследователей «Мир Просвещения. Исторический словарь» [19].

Багдасарян В. Э.

Историческое сознание общества и учебники истории: противоречия в восприятии прошлого

Постановка проблемы

Историческое сознание выступает не только индикатором восприятия и знания прошлого, но и отношения к настоящему. Интерпретация событий и образов истории проецируется на современный политический контекст, задавая принадлежность к той или иной платформе в актуальной политике. Как политика определяет в данном случае взгляд на историю, так и восприятие истории влияет на формирование политической позиции.

При переходе к системе постсоветской государственности сохраняемая в значительной части общества приверженность советским интерпретациям истории объяснялась трудностями адаптации и ностальгией по СССР. Предполагалось, что в процессе смены поколений историческое сознание российского населения будет модернизироваться. Определённые тенденции в этом направлении действительно фиксировались, но они так и не превратились в тренд. Напротив, вопреки прогнозам обнаружился процесс ресоветизации исторического сознания. Позитивное отношение к советскому периоду истории фиксируется в последнее время среди молодёжи. Причём в возрастной группе от 18 до 24 лет симпатии к СССР оказались заметно выше, чем у более старшей молодёжи и у представителей среднего возраста.

Вместе с тем фиксируется и достаточно значительная группа населения, воспринимающая историю через призму

православно-монархического миропонимания. Для неё советский исторический нарратив либо неприемлем вообще, либо неприемлем в отношении к отдельным периодам (в частности, к начальному послереволюционному периоду).

Имеется и определённая группа, воспринимаящая прошлое с позиции либеральных представлений. Однако её удельный вес не столь велик и имеет тенденцию к снижению.

Казалось бы, учебники истории и являются главным инструментом формирования исторического сознания. Однако контент учебной литературы, несмотря на то, что она представлена относительно широким кругом авторов, как минимум, расходится с общественным восприятием прошлого. Доминирующая в нём методологическая линия теории модернизации более соотносится с пониманием истории либеральной группой, составляющей меньшинство.

Задача соотнесения исторического сознания российского общества и школьных учебников истории России и решалась в представляемом рассмотрении. В соответствующем анализе участвовали, с одной стороны, группа рекомендуемых к использованию в образовательном процессе учебников¹, с другой – база резуль-

татов социологических опросов, проводимых Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Фондом общественного мнения (ФОМ) и Левада-центром.

Николай II

С тенденцией ресоветизации вступает в противоречие заметный рост популярности Николая II. Через образ последнего русского царя фактически манифестируется приверженность позициям православия и в части случаев – православного монархизма. За Николая II преимущественно голосует та часть российского общества, которая не готова голосовать за В. И. Ленина и Октябрьскую революцию, но в определённой своей части готово поддержать И. В. Сталина. Канонизацию Николая II на начало 2000-х гг. поддерживало более 20% российского общества, и сегодня часть россиян относится к нему как к святому. При этом, согласно с опросом 2018 г., наиболее негативно к последнему русскому царю относится молодежь в возрастной генерации 18–24 лет².

320 с.; Киселев А. Ф., Попов В. П. История России. XX – начало XXI века. 11 класс. Учебник. Базовый уровень. М.: Дрофа, 2014. 320 с.; Левандовский А., Мироненко С., Щетинов Ю. История России. XX – начало XXI века. 11 класс. М.: Просвещение, 2015. 388 с.; Морозов А. Ю., Пазин Р. В. История России. 10–11 классы. XX – начало XXI века. Учебник. М.: Легион, 2019. 528 с.; Сахаров А. Н., Петров Ю. А., Загладин Н. В. История. Конец XIX – начало XXI в. 10–11 классы. Учебник в 2-х ч. Часть 2. Базовый и углубл. уровни. М.: Русское слово, 2019. 448 с.; Соколов А. К., Журавлев С. В. История России. XX – начало XXI в. 10 класс. Учебное пособие. Баз. и углуб. уровни. Часть 2. 1945–2014. М.: Русское слово, 2017. 289 с.; Чубарьян А. О., Пивовар Е. И., Данилов А. А. История России, XX – начало XXI века. 11 класс. Учебник. Профильный и базовый уровни. М.: Просвещение, 2011. 302 с.; Шестаков В. А. История. История России. 11 класс. Учебник. Углубленный уровень. ФГОС. М.: Просвещение, 2014. 415 с.

¹ Горинев М. М., Моруков М. Ю., Токарева А. Я. История России. 10 класс. Учебник. Часть 3. ФГОС. М.: Просвещение, 2019. 176 с.; Данилов А. А., Хлевнюк О. В., Шахрай С. М. История России. 11 класс. Учебное пособие. Базовый и углубленный уровни. В 2-х частях. ФГОС. М.: Просвещение, 2020. 112 с.; Данилов А. А., Косулина Л. Г., Брандт М. История России. XX – начало XXI века. 9 класс. М.: Просвещение, 2013. 400 с.; Данилов А. А., Моруков М. Ю., Горинев М. М. История России. 10 класс. Учебное пособие. Базовый и углубленный уровни. В 2-х частях. ФГОС. М.: Просвещение, 2021. 176 с.; Загладин Н. В., Петров Ю. А. История. Конец XIX – начало XXI века. Базовый уровень. 11 класс. Учебник. ФГОС. М.: Русское слово, 2019. 448 с.; Загладин Н. В., Петров Ю. А., Минаков С. Ф., Козленко С. И. История России. Конец XIX – начало XXI века: учебник для 11 класса общеобразовательных организаций. Углубленный уровень. М.: Русское слово, 2016. 424 с.; Измозик В. С., Рудник С. Н., Журавлева О. Н. История России. 10 класс. Учебное пособие. В 2-х частях. М.: Вентана-Граф, 2019.

² Царская семья: общественная оценка спустя столетие // ВЦИОМ: [сайт]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9210> (дата обращения: 05.07.2021); Гражданская война в России: сто лет спустя // ВЦИОМ: [сайт]. URL: <https://wciom.ru/>

Современные российские учебники относятся к Николаю II, безусловно, мягче, чем это было в советской учебной традиции. Однако это отношение всё равно имеет критическую направленность. Критика в основном состоит в том, что Николай II существенно запаздывал в проведении назревших реформ. Такая оценка вступает в противоречие с теми, кто поддерживает царя с православно-монархических событий, а соответственно, не принимает позицию о необходимости реформирования империи. В учебниках, как правило, уделяется достаточное, в соответствии с общим объёмом изданий, место расстрелу царской семьи, оцениваемому в качестве трагедии (но трагедии личной, как гибели людей), и ориентированности большевиков на террор. При этом позицию о «святости» царя, разделяемую частью общества, ни один из рекомендованных к использованию в образовательном процессе учебников не принял.

П. А. Столыпин

Некоторое время во властном дискурсе акцентированную поддержку приобрела фигура П. А. Столыпина. Популяризировался образ реформатора, сочетавшего либерально-реформаторский курс в экономике с приверженностью системе «сильной политической руки» в политике. Такой образ должен был, вероятно, вызвать соответствующие коннотации с актуальной политической ситуацией. Однако в обществе большой популярности фигура Столыпина так и не приобрела. Единственным прецедентом высокой популярности премьер-министра стала его вторая позиция в телевизионном голосовании в рамках проекта «Имя России» 2008 г. Тот факт, что в других опросах Столыпин не поднимался высоко, даёт основание полагать, что имело место искусственное уве-

ru/index.php?id=236&uid=9180 (дата обращения: 05.07.2021).

личение результатов голосования¹.

При этом в учебниках фигуре П. А. Столыпина отводится традиционно большое внимание. Обосновывается, как правило, целесообразность его аграрных преобразований. Критическое направление в историографии столыпинских реформ, дающее отрицательную оценку самого замысла роспуска общины как подрыва цивилизационных основ российской государственности, как правило, в учебниках не представлено.

Первая мировая война

Первая мировая война по-прежнему остаётся одной из наименее известных для российского общества из знаковых событий XX столетия. Доля респондентов, считающих, что Россия победила в Первой мировой войне, примерно равна доле тех, кто осведомлён о её поражении. В объяснении поражения набирает популярность идея «удара в спину», сообразно с которой главным фактором поражения явилась революция. Усилилась имперская позиция в восприятии войны, проявляющаяся в представлении о целесообразности для России участвовать в ней в противоположность прежней точке зрения об империалистическом, антинародном характере конфликта².

Для учебников в целом имперский дискурс в интерпретации войн Российской империи не характерен. В освещении Первой мировой войны большое внимание уделяется различным проявлениям нефункциональности государственной системы, не позволяющей России оказаться победителем. Поражения связываются с сохранением архаических институций, модернизационным запаздыванием.

¹ Имя России [сайт]. URL: <http://www.nameofrussia.ru/> (дата обращения: 05.07.2021).

² Первая мировая в исторической памяти россиян // ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9411> (дата обращения: 05.07.2021).

Февральская революция

Заметное расхождение официальной учебной версии с версией общественного восприятия истории проявляется в отношении к Февральской революции. В учебниках доминирует в целом позитивная её оценка как шанса либерализации российского государства и построения гражданского общества. Февральская революция в этой версии открывала для России перспективы модернизационного развития. Однако различные обстоятельства помешали ей пойти по пути либерально-демократической модернизации, перечёркнутой окончательно Октябрьской революцией. Закрепление в историко-культурном стандарте взгляда об одной революции вместо двух – Февральской и Октябрьской – фактически подводит к версии о единой сценарной драме несостоявшегося перехода на модернизационные рельсы развития.

Отношение в обществе к Февральской революции, в отличие от представляемого учебного взгляда, преимущественно негативное. Одна часть респондентов отвергает её с позиций православного монархизма, другая – с позиций социалистической революции. Феврализм в целом, ассоциирующийся с либерально-западнической идеологией, обнаруживает низкую популярность в современном российском обществе (при оговорке наличия у респондентов первичных знаний по истории). Получил распространение взгляд о Февральской революции как аналоге современных «цветных революций»¹.

В. И. Ленин

Наилучшей характеристикой сохранения советской исторической матрицы служит отношение в обществе к фигуре

¹ Февральская революция: 90 лет без монархии // База данных ФОМ : [сайт]. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/socium/hist_ro/d070825; Февральская революция 1917. URL: <https://www.levada.ru/2017/02/14/fevral'skaya-revolyutsiya-1917/> (дата обращения: 05.07.2021).

В. И. Ленина. Положительные оценки его фигуры явно доминировали во всех опросах над отрицательными. Долгое время уже в постсоветский период он оставался самой популярной политической фигурой российской истории, уступив затем эту позицию И. В. Сталину. Некоторое снижение доли безоговорочно поддерживающих Ленина соотносится с одновременным снижением доли категорически не принимающих его фигуру. Поддержка Ленина молодёжью тоже остаётся на достаточно высоком уровне – до 60%, что противоречит представлению о том, что популярность советских исторических образов будет объективно снижаться при смене поколений².

Оценки учебников по отношению к фигуре Ленина явно резонируют с общественным мнением. В них лидер большевиков представлен в большей степени как аполитический авантюрист, радикал. Взгляды Ленина характеризуются как утопические, которые он был вынужден корректировать, столкнувшись с реалиями развития России и мира.

Октябрьская революция

Общество по-прежнему оценивает Октябрьскую революцию как величайшее, наряду с победой в Великой Отечественной войне, событие отечественной истории. Все социологические замеры показывают отношение к ней как явлению социально прогрессивному, исторически неизбежному и наилучшему сценарию в сравнении со всеми альтернативами³.

² Владимир Ленин // Левада-центр : [сайт]. URL: <https://www.levada.ru/2017/04/19/vladimir-lenin/>; Герои и жертвы Русской революции // ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=2835>; Ленин жил, Ленин жив, Ленин. ? // ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115661>; О Ленине // База данных ФОМ : [сайт]. URL: <https://fom.ru/Proshloe/11472>; 150-летие Ленина // База данных ФОМ : [сайт]. URL: <https://fom.ru/Proshloe/14381> (дата обращения: 05.07.2021).

³ Back in the USSR? // ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116009>; Владимир Ленин // Левада-центр : [сайт]. URL: <https://www.levada.ru/2017/04/19/vladimir-lenin/>

Для учебников характерно в целом негативное отношение к революции. Доминирует оценка о порочности насильственного революционного пути как такового. Революция в России рассматривается в качестве причины Гражданской войны, ставшей трагедией для российского социума. Обращает внимание расхождение этой интерпретации революции в России с революциями в странах Европы, оцениваемых как выражение социального прогресса.

Гражданская война

В изложении событий Гражданской войны, трактуемой как война братоубийственная, авторы учебников стремятся занять позицию над схваткой, уйти от маркировки правых и виноватых. Вместе с тем даётся параллельно изложение политики подавления большевиками оппозиции, «красногвардейской атаки на капитал», «военного коммунизма», «красного террора», определяющих более предпочтительное представление в целом позиции белых.

При этом общество преимущественно солидаризируется в конфликте Гражданской войны с красными. Около 1/3 населения заявляют о том, что в ситуации Гражданской войны они были бы готовы выступить на стороне красных, притом о готовности выступления на стороне белых говорит только 7% опрошенных. Большинство опрошенных полагает, что

Гражданской войны в сложившейся ситуации избежать было невозможно. И это расходится с позицией учебников о том, что к войне привёл политический радикализм оппонентов, а следовательно, и её предопределённости не существовало¹.

Симпатию общества к красным связывают также с их борьбой с иностранными интервентами. Акцентировка внимания на этом противостоянии определяет отношение к большевикам как к национальной силе. При этом в учебниках, напротив, иностранная составляющая конфликта оказывается нивелирована. Вместо используемого в советской учебной литературе наименования соответствующего раздела «Гражданская война и иностранная военная интервенция» теперь в историко-культурном стандарте и опирающихся на него учебниках используется название «Гражданская война».

И. В. Сталин и репрессии

Самым большим вызовом при рассмотрении трансформаций исторического сознания является стремительный рост популярности И. В. Сталина, ставшего по рейтингу популярности фигурой № 1 российской истории. При этом он не ассоциируется исключительно с коммунистической идеологией, и поддерживается помимо коммунистов респондентами, стоящими на православно-державных позициях. Сталин, чего не было ранее, оказался в последние годы брендовой фигурой и для значительной части молодёжи. Менее критично население стало относиться к практике сталинских политических репрессий. Приблизительно с 2015 г.

levada.ru/2017/04/19/vladimir-lenin/; Герои и жертвы Русской революции // ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=2835>; Ленин жил, Ленин жив, Ленин..? // ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115661>; О Ленине // База данных ФОМ : [сайт]. URL: <https://fom.ru/Proshloe/11472>; Октябрьская революция // Левада-центр : [сайт]. URL: <https://www.levada.ru/2017/04/05/oktyabrskaya-revolutsiya-2/>; Октябрьская революция: 1917–2017 // ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116446>; 1917–2017. Память о революции Инфографика ФОМ с основными результатами опросов про революцию // База данных ФОМ: [сайт]. URL: <https://fom.ru/Proshloe/13839> (дата обращения: 05.07.2021).

¹ Гражданская война в России: сто лет спустя // ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9180> (дата обращения: 04.07.2021); Гражданская война. Александр Колчак // База данных ФОМ : [сайт]. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/hist_ro/rev_war/d084122 (дата обращения: 04.07.2021); 1917–2017. Память о революции Инфографика ФОМ с основными результатами опросов про революцию // База данных ФОМ : [сайт]. URL: <https://fom.ru/Proshloe/13839> (дата обращения: 05.07.2021).

доля тех, кто считает, что репрессии могут быть оправданы, превысило удельный вес не находящихся им никакого оправдания¹.

Представления о роли Сталина в истории в российском обществе отличаются не только от современных, но и советских исторических учебников, в которых, как известно, в контексте политики «забвения» упоминания о нём были минимизированы. В современных учебниках, несмотря на то, что оценки в сравнении с генерацией учебников 1990-х гг. были несколько смягчены, даётся в целом негативная оценка сталинской политики. Политика Сталина рассматривается в значительной мере через призму его борьбы за личную власть. Репрессии определённно осуждаются и характеризуются как тягчайшая национальная трагедия. Объективных оснований для проведения репрессивной политики учебники не указывают. Негативно оценивается в учебной литературе также и политика коллективизации, тогда как в обществе к ней сохраняется преимущественно положительное отношение.

Великая Отечественная война

Великая Отечественная война справедливо оценивается в качестве важнейшего аттрактора консолидации российского общества. И общественное мнение,

и мнение авторов учебников в отношении к ней как к величайшему народному подвигу совпадают. Рецидивы учебников «соросовской» генерации по теме Великой Отечественной войны подверглись в своё время критике и были в целом преодолены. Однако обнаруживаются все же различия в акцентах интерпретации деятельности руководства страны в военные годы.

Учебники гораздо более критичны к власти, уделяют повышенное внимание её ошибкам, проявлениям неоправданной жестокости в ряде решений. Общество в большей степени настроено на оправдание деятельности советского руководства, признание целесообразности принимаемых жёстких мер. Если учебники подводят к позиции об одержанной победе вопреки тоталитарным рецидивам системы, то в общественном мнении утвердилось представление о её сопряжённости с образом Сталина. Точка зрения о том, что сталинское руководство не считалось с жертвами, имевшее значительную поддержку в 1990-е гг., оказалась в последних опросах минимизирована. Доля респондентов, разделяющих такой взгляд, снизилась с 36 и 34% в опросах 1991 и 1997 гг. соответственно до 9% по результатам опроса 2018 гг.².

Н. С. Хрущёв

Стремительный подъём рейтинга Сталина сказался соответственно на снижении популярности Н. С. Хрущёва, воспринимаемого под маркером «десталинизатора». Он и ранее не являлся особо популярной фигурой в российском обществе, не входил в перечень исторических героев. Однако в последние годы Хрущёв в общественном восприятии стал вос-

¹ Десталинизация: за и против // ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1690>; Динамика отношения к Сталину // Левада-центр : [сайт]. URL: <https://www.levada.ru/2019/04/16/dinamika-otnosheniya-k-stalinu/>; И. Сталин // База данных ФОМ : [сайт]. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/old_pol/stalin/dd030831; О репрессиях, репрессированных и сильной руке // ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=2713>; Память о Сталине: за и против // ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=2891>; Сталин: тиран или герой? // ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=3031>; Уровень одобрения Сталина россиянами побил исторический рекорд // РБК : [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/04/2019/5cb0bb979a794780a4592d0c>; XX съезд КПСС: разоблачение культа личности // База данных ФОМ : [сайт]. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/old_pol/stalin/dd060822 (дата обращения: 05.07.2021).

² Великая Отечественная война // Левада-центр : [сайт]. URL: <https://www.levada.ru/2018/06/20/velikaya-otechestvennaya-vojna-3/>; Война и Победа // База данных ФОМ : [сайт]. URL: <https://fom.ru/Proshloe/13313>; День Победы // Левада-центр : [сайт]. URL: <https://www.levada.ru/2020/05/08/den-pobedy-4/> (дата обращения: 05.07.2021).

приниматься в качестве сугубо отрицательного персонажа, предшественника Горбачёва и Ельцина в демонтаже СССР. Судя по имеющимся тенденциям опросов, он всё очевиднее превращается в одного из главных российских антигероев¹.

В учебниках деятельность Хрущёва оценивается в целом неоднозначно, но в соотношении плюсов и минусов позитивная оценка все-таки преобладает. В заслугу ему ставится, прежде всего, то, за что его отвергает значительная часть общества – политика десталинизации. Положительно оценивается феномен хрущёвской оттепели, авторы учебников симпатизируют деятелям культуры, включившимся активно в процесс десталинизации.

Л. И. Брежнев

Напротив, отношение к брежневскому периоду в учебниках преимущественно негативное. Соответствующий этап в истории развития страны характеризуется через маркер «застой», подчёркивается рост за вывеской внутреннего благополучия латентных противоречий и конфликтов. Указывается на неготовность руководящих кадров и лично Л. И. Брежнева дать ответ на стоящие перед страной вызовы. В качестве стратегических ошибок учебники оценивают ввод советских войск в Чехословакию и Афганистан.

Население, напротив, относится к брежневскому времени с симпатией. Сам генеральный секретарь как политик имеет в общественном восприятии высокий рейтинг популярности. По результатам опроса Левада-центра 2017 г. он по разности положительных и отрицательных голосов и вовсе оказался определён в качестве лучшего правителя XX столетия. Диссонирует с оценками учебников и восприятие в обществе прецедентов применения советских вооружённых сил за рубежом. Ввод войск Организации Вар-

шавского договора в Чехословакию считают, согласно опросам ФОМ и Левада-центра, правильным решением больше респондентов, нежели полагающих, что это было ошибкой. По вводу войск в Афганистан пока ещё преобладает его оценка как ошибки, но тенденция изменения такой позиции по динамике социологических опросов прослеживается очевидно. По данным опроса ВЦИОМ 2019 г., среди молодежи 18–24 лет, только 19% считают ввод войск в Афганистан ошибкой, тогда как 48% считают вторжение целесообразным².

Распад СССР

Принципиально расходятся оценки обществом и учебников по вопросу об обстоятельствах гибели СССР. Учебная литература исходит из тезиса о предопределённости Советского Союза к гибели. Утверждается, что в условиях перехода в постиндустриальную фазу развития советская социалистическая модель оказывалась неконкурентоспособной по отношению к идущим по пути рыночной экономики странам Запада. Данная позиция нашла отражение в историко-культурном стандарте: «Мобилизационная модель экономики, созданная в СССР в 1930-е гг., оказалась эффективной лишь в экстремальных условиях форсированной индустриализации, войны и во время восстановления разрушенного хозяйства, когда продолжали действовать многие чрезвычайные законы военного времени. Однако в длительной перспективе мирного развития эта модель

¹ Россияне о Никите Хрущеве // Левада-центр : [сайт]. URL: <http://www.levada.ru/2014/10/17/rossiyane-о-nikite-hrushheve/> (дата обращения: 05.07.2021).

² Ввод войск в Чехословакию: 50-я годовщина // База данных ФОМ : [сайт]. URL: <https://fom.ru/Proshloe/14084>; Вывод войск из Афганистана: 30 лет спустя // ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9556> «Левада-центр: более трети россиян не знают о вводе войск в Чехословакию в 1968 году // Новая газета : [сайт]. URL: <https://www.novayagazeta.ru/news/2018/08/20/144322-levada-tsentr-bolshe-treti-rossiyan-ne-znayut-o-vvode-voysk-v-chehoslovakiyu-v-1968-godu>; Правители // Левада-центр : [сайт]. URL: <https://www.levada.ru/2017/02/15/15388/> (дата обращения: 05.07.2021).

проигрывала соревнование с Западом, который в послевоенный период продемонстрировал способность к эволюции, включая адаптацию многих достижений социализма». Сообразно с этими представлениями даётся позитивная оценка самой попытки реформирования советской системы, начатой М. С. Горбачёвым и продолженной Б. Н. Ельциным. Оба президента оцениваются в учебниках в большей степени положительно. Причины провала реформ видятся не в отступлении от модели социализма, а в ошибках, совершённых в ходе реализации проводимых изменений.

Общество не разделяет учебной версии о предопределённости распада СССР. Большинство респондентов, что устойчиво подтверждается различными опросами, придерживаются позиции, что гибели Советского Союза возможно было избежать. Советской системе, как политической, так и экономической, респонденты отдают предпочтение перед западной и постсоветской системами. Всё более широкую популярность приобретает такое объяснение причин распада СССР, как предательство элит. Горбачёв и Ельцин воспринимаются в обществе как резко отрицательные фигуры, занявшие позиции главных антигероев России¹.

¹ Августовский путч // Левада-центр : [сайт]. URL: <https://www.levada.ru/2018/08/14/avgustovskij-putch-2/>; Восприятие «Перестройки» // Левада-центр : [сайт]. URL: <https://www.levada.ru/2020/11/03/vospriyatie-perestrojki/>; Михаил Горбачев: преступник или жертва? // База данных ФОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115603>; Ностальгия по СССР // Левада-центр : [сайт]. URL: <https://www.levada.ru/2018/12/19/nostalgia-po-sssr-2/>; О распаде СССР // База данных ФОМ : [сайт]. URL: <https://fom.ru/Proshloe/11314>; О роли Михаила Горбачева // База данных ФОМ : [сайт]. URL: <https://fom.ru/Politika/12542>; Память о Борисе Ельцине и 90-х // База данных ФОМ : [сайт]. URL: <https://fom.ru/Proshloe/12408>; «Перестройка» // Левада-центр : [сайт]. URL: <https://www.levada.ru/2019/04/23/perestrojka/>; Распад СССР: неизбежность или случайность? // ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1732>; Эпоха Ельцина и распад СССР // Левада-центр : [сайт]. URL: <https://www.levada.ru/2016/02/01/epoha->

Выводы

Проведённое сравнение позволяет сделать вывод о критическом расколе в представлении официальной версии истории и историческом сознании населения. Обнаруживаемый раскол можно трактовать и в качестве дихотомии: взгляд элиты – взгляд народа. При этом приходится констатировать, что позиция учебников далеко не всегда выглядит более убедительной, чем позиция общества.

Диагноз сложившейся ситуации позволяет артикулировать запрос на формирование нового поколения учебников истории. Эти будущие учебники, очевидно, должны быть ценностно и концептуально ближе к историческому сознанию народа. Такой ориентир не означает предписания воспроизводить распространённые ошибки и заблуждения. Вопрос в другом: необходима учебная литература, и прежде всего по истории, выстраиваемая на ценностном фундаменте российской цивилизации, приоритетности задачи патриотического воспитания и формирования у подрастающего поколения чувства гордости за своё Отечество.

Смоленский Н. И.

Заключительное слово

Проблемой круглого стола является анализ формирования исторического сознания современной России. Начальной фазой переосмысления советской истории д. и. н., проф. Д. В. Маслов считает период перестройки и обоснованно доказывает этот выбор своим анализом соответствующей литературы. Переосмыслению подверглась и сталинская эпоха. Одним из главных источников переосмысления была политическая власть во главе с М. С. Горбачёвым. Основной и вполне обоснованный вывод проф. Д. В. Маслова заключается в том, что раз-

[eltsina-i-raspad-sssr/](https://www.levada.ru/2016/02/01/epoha-eltsina-i-raspad-sssr/); «Эпоха Ельцина» как мы ее помним // ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115565> (дата обращения: 05.07.2021).

венчание советского прошлого в период перестройки сыграло одну из ключевых ролей в крахе советского строя и СССР как государства.

Принципиально важное научное и социально-политическое значение имеет выступление д. и. н., проф. В. Э. Багдасаряна, главным итогом которого является констатация несовпадения трактовки истории (в основном советского времени) в учебниках с тем, что относится к сфере исторического сознания. Отсюда вывод очевидной практической значимости: нужны новые учебники, основывающиеся на содержании исторического сознания в большей степени, чем это имеет место сейчас. Остаётся только не лишней проверка достоверности результатов социологических опросов, а дальше – обращение в Рособрнадзор по поводу обновления содержания учебников.

Вывод д. и. н. С. В. Журавлёва о важности многочисленных изданий по истории промышленных предприятий в СССР 1920–1940 гг. актуален и сегодня, однако является проблемой: в какой мере это реализуемо в условиях современной общественно-политической ситуации в России.

В выступлении к. и. н., проф. Н. А. Яснитского анализируется проблема истолкования просветителями средних веков, что имеет отношение к временным рамкам возникновения структуры и содержания исторического сознания. Связь времён как фактор исторической реальности имела и имеет место всегда, её превращение в вариант мышления, т. е. исторического сознания стало продуктом времени. В развитии философско-исторической мысли это впервые проявилось, судя по всему, у просветителей на основе их отношения к средним векам. Две эпохи – средние века и время бытия самих просветителей – связаны и обладают разницей в отношении их сущности, хотя обоснованной трактовки этой разницы просветители не дали. Однако всё же это был ранний вариант формирования исторического сознания. Он стал одной из причин формирования

другой модели исторического сознания представителями романтизма в немецкой и не только историографии конца XVIII в. – первой трети XIX в. Романтиков отличала ярко выраженная враждебность идеям просвещения и оценка средних веков как исторически необходимых и закономерных, а французской революции – как случайности. Взгляды просветителей и романтиков не были лишь научными позициями представителей философии истории и историографии, а характеризовали социально-политические взгляды двух прослоек общества той поры – зарождавшейся буржуазии и дворянства. Общей их основой было лишь одно – путь к смене общественного строя: насильственный или мирный (в зависимости от конкретной ситуации). Однако в любом случае это означало разрыв связи времён. Таким образом, необходимым и неизбежным условием смены исторического сознания является разрыв связи времён – мирный или насильственный; современная Россия переживает, как известно, первый вариант перемен в содержании исторического сознания.

Однако смена общественного строя не является единственной основой формирования нового исторического сознания в настоящее время, хотя, в конечном счёте, дело обстоит именно так.

Материалы круглого стола показывают, что первоначальный толчок к смене исторического сознания СССР исходил от государства, власти (Перестройка). Однако реальность сегодняшнего дня показывает, что источниками формирования исторического сознания является образование (учебники), средства массовой информации (телевидение, радио, пресса), структуры искусства. Зависят ли эти источники от властных структур общества? Конечно, да. Но какой может быть мера этой зависимости в интересах дела, может ли она быть безграничной? Конечно, нет. Наиболее острой и болезненной является проблема отношения к советскому прошлому, что разъединяет

сегодня многих. В образовании, в средствах массовой информации следует не допускать неограниченного зачёркивания советского прошлого. Следует опереться хотя бы на такой исторический опыт, ставший одним из уроков истории: учебник М. Н. Покровского первых лет советского времени отличался отказом от систематического изучения российского прошлого, его «фрагментаризацией». Прошло некоторое время, и этот

учебник пришлось поправить: бывшее сделать не бывшим не удавалось никому. Впрочем, решение одной из основных проблем формирования современного исторического сознания в России – проблемы отношения к советскому прошлому – не исчерпывает всех задач указанного формирования и требует своих мер и усилий.

Дата поступления в редакцию 29.06.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев Ю. Н. Иного не дано: судьбы перестройки, взгляды в прошлое, возвращение к будущему. М.: Прогресс, 1988. 674 с.
2. Бордюгов Г. А., Козлов В. А. История и конъюнктура: субъективные заметки об истории советского общества. М.: Политиздат, 1992. 352 с.
3. Высокова В. В. Шотландские просветители: круг идей // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2013. № 3 (117). С. 78–90.
4. Вклад историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941–1945 гг. / отв. ред. С. В. Журавлёв. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 383 с.
5. Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. В 7 т. Т. 4. СПб.: Наука, 1998. 402 с. Т. 4. Гл. XXXV, XXXVI. С. 11–13, 14–15, 32, 40–41, 75–77, 127–129.
6. Емельянов Ю. В. Сталин перед судом пигмеев. М., 2009. 416 с.
7. Журавлёв С. В. Феномен «Истории фабрик и заводов»: горьковское начинание в контексте эпохи 1930-х гг. М., ИРИ РАН, 1997. 213 с.
8. Журавлёв С. В. Дневники московских метростроевцев 1930-х гг. как историко-культурный феномен // Археографический ежегодник за 1997 год. М., 1997. С. 166–171.
9. Заборов М. А. Историография крестовых походов (XV–XIX вв.). М.: Наука, 1971 г. 386 с.
10. Зиновьев А. А. Коммунизм как реальность. М.: Центрполиграф, 1994. 494 с.
11. Иослович В. Массовое редактирование «Истории Автозавода им. Сталина» // История заводов. 1934. Вып. 3-4. С. 191–199.
12. Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки / под ред. И. С. Галкина. Т. 1. М., 1967. 576 с.
13. Историография истории Нового времени стран Европы и Америки / ред. И. П. Деметьев. М.: Высшая школа, 1990. 512 с.
14. Карп С. Я. Что такое Просвещение? // Всемирная история. Мир в XVIII веке. Т. 4. М., 2013. С. 100–103.
15. Косминский Е. А.. Историография средних веков: V – середина XIX в. М., 1963. 430 с.
16. Кроче Б. Теория и история историографии. Раздел 2. Гл. V. М.: 1998. 192 с.
17. Лапцкая С. М. Быт рабочих Трёхгорной мануфактуры. М.: ГИИСТ, 1935. 200 с.
18. Логунов А. П. Кризис исторической науки или наука в условиях общественного кризиса: отечественная историография второй половины 80 – начала 90-х гг. // Советская историография / под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. М., 1996. С. 447–487.
19. Мир Просвещения. Исторический словарь / под ред. В. Ферроне, Д. Роша. М.: Памятники исторической мысли, 2003. 668 с.
20. Полянская Г. Из опыта работы в заводском архиве // История заводов. 1933. Вып. 4-5. 390 с.
21. Рид Т. Исследование человеческого ума на принципах здравого смысла. СПб.: Алетейя, 2000. 432 с.
22. Согрин В. В. К новому историческому сознанию // Историк отвечает на вопросы / сост. В. В. Поликарпов. Вып. 2. М.: Московский рабочий, 1990. 368 с.
23. Социализм: между прошлым и будущим / ред.-сост. В. П. Киселёв, И. М. Клямкин. М.: Прогресс, 1989. 424 с.

24. Смоленский Н. И. История и логика. Проблемы общеисторической теории и природы исторических понятий. М., 2013. 183 с.
25. Сталин И. В. Вопросы ленинизма. М.: Политиздат, 1952. 805 с.
26. Шелохаев В. В. Дневник историка. М.: РОССПЭН, 2013. 510 с.
27. Шмидт С. О. Тема «История Великой Отечественной войны» и «Историки в Великой Отечественной войне» на страницах Археографических ежегодников // Археографический ежегодник за 2005 год. М., 2007. 383 с.
28. Brading D. The First America: The Spanish Monarchy, Creole Patriots, and the Liberal State 1492–1867. New York: Cambridge University Press, 1991. 761 p.
29. Mailly J.-B. L'Esprit des croisades ou Histoire politique et militaire des guerres entreprises... Dijon: Chez l'Auteur..., 1780. 508 p.
30. Robertson W. The history of Scotland during the reigns of Queen Mary and of King James VI. Vol. I–III // Robertson W. The works of W. Robertson in 12 volumes. Vol. I–III. Edinburgh; London, 1819. 745 p.
31. Robertson W. The history of Scotland 1542–1603. T. IV. London, 1759. 210 p.
32. Voltaire, Essai sur les mœurs. V. I. 520 p.
33. Womersley D. J. The historical writings of William Robertson // Journal of the History of Ideas. 1986. P. 497–506.

REFERENCES

1. Afanasev Yu. N. *Inogo ne dano: sudby perestroiki, vglyadyvayas v proshloe, vozvrashchenie k budushchemu* [No other way: the fate of perestroika. Looking into the past. Coming back to the future]. Moscow, Progress Publ., 1988. 674 p.
2. Bordyugov G. A., Kozlov V. A. *Istoriya i konyunktura: subektivnye zametki ob istorii sovetskogo obshchestva* [History and conjuncture: subjective notes on the history of Soviet society]. Moscow, Politizdat Publ., 1992. 352 p.
3. Vysokova V. V. [Scottish educators: a circle of ideas]. In: *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Ural Federal University. Series: Humanities], 2013, no. 3 (117), pp. 78–90.
4. Zhuravlev S. V., ed. *Vklad istorikov v sokhranenie istoricheskoi pamyati o Velikoi Otechestvennoi voine. Na materialakh Komissii po istorii Velikoi Otechestvennoi voiny AN SSSR, 1941–1945 gg.* [The historians contribution to the preservation of the historical memory of the Great Patriotic War. Works of the Commission for the History of the Great Patriotic War of the Academy of Sciences of the USSR, 1941–1945]. Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2015. 383 p.
5. Gibbon E. *Istoriya upadka i razrusheniya Rimskoi imperii. V 7 t. T. 4.* [The history of the decline and destruction of the Roman Empire. In 7 volumes. Vol. 4]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1998. 402 p. Part XXXV, XXXVI. P. 11–13, 14–15, 32, 40–41, 75–77, 127–129.
6. Emelyanov Yu. V. *Stalin pered sudom pigmeev* [Stalin before the pygmy court]. Moscow, 2009. 416 p.
7. Zhuravlev S. V. *Fenomen «Istorii fabrik i zavodov»: gor'kovskoe nachinanie v kontekste epokhi 1930-kh gg.* [The Phenomenon of the History of Factories and Plants: Gorky Initiative in the Context of the Era of the 1930s]. Moscow, IRI RAS Publ., 1997. 213 p.
8. Zhuravlev S. V. [Diaries of Moscow metro builders in the 1930s as a historical and cultural phenomenon]. In: *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1997 god* [Archeographic Yearbook for 1997]. Moscow, 1997, pp. 166–171.
9. Zaborov M. A. *Istoriografiya krestovyykh pokhodov (XV–XIX vv.)* [Historiography of the Crusades (15th–19th centuries)]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 386 p.
10. Zinovev A. A. *Kommunizm kak realnost* [Communism as reality]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 1994. 494 p.
11. Ioslovich V. [Bulk editing of the «History of the Avtozavod im. Stalin»]. In: *Istoriya zavodov* [History of plants], 1934, no. 3–4, pp. 191–199.
12. Galkin I. S., ed. *Istoriografiya novoi i noveishei istorii stran Evropy i Ameriki. T. 1* [Historiography of modern and recent history of the countries of Europe and America. Vol. 1]. Moscow, 1967. 576 p.

13. Dementev I. P., ed. *Istoriografiya istorii Novogo vremeni stran Evropy i Ameriki* [Historiography of the history of modern times in Europe and America]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990. 512 p.
14. Karp S. Ya. [What is Enlightenment?]. In: *Vsemirnaya istoriya. Mir v XVIII v. T. 4.* [The World History. Peace in the 18th century. Vol. 4]. Moscow, 2013, pp. 100–103.
15. Kosminsky E. A. *Istoriografiya srednikh vekov: V – seredina 19 veka* [Historiography of the Middle Ages: 5th– mid of 19th century]. Moscow, 1963. 430 p.
16. Kroche B. *Teoriya i istoriya istoriografii. Razdel 2. Gl. V* [Theory and history of historiography. Section 2. Ch. V]. Moscow, 1998. 192 p.
17. Lapitskaya S. M. *Byt rabochikh Trekhgornoi manufaktury* [Life of Trekhgornaya Manufactory workers]. Moscow, GIIST Publ., 1935. 200 p.
18. Logunov A. P. [The crisis of historical science or science in the context of a social crisis: Russian historiography of the second half 80 – early 90s]. In: Afanasyev Yu. N., ed. *Soviet historiography* [Soviet historiography]. Moscow, 1996. P. 447–487.
19. Ferrone V., Rosh D., eds. *Mir Prosveshcheniya. Istoricheskii slovar* [World of Enlightenment. Historical Dictionary]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli Publ., 2003. 668 p.
20. Polyanskaya G. [Work in the factory archive]. In: *Istoriya zavodov* [History of factories], 1933, iss. 4-5, 390 p.
21. Reed T. *Issledovanie chelovecheskogo uma na printsipakh zdravogo smysla* [An inquiry into the Human Mind on the Principles of Common Sense]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2000. 432 p.
22. Sogrin V. V. [Towards a new historical consciousness]. In: Polikarpov V. V., ed. *Istoriki otvechayut na voprosy. Vyp. 2* [Historians answer questions. Iss. 2]. Moscow, Moskovskiy rabochiy Publ., 1990. 368 p.
23. Kiselev V. P., Klyamkin I. M., ed. *Sotsializm: mezhdru proshlym i budushchim* [Socialism: between the past and the future]. Moscow, Progress Publ., 1989. 424 p.
24. Smolensky N. I. *Istoriya i logika. Problemy obshcheistoricheskoy teorii i prirody istoricheskikh ponyatiy* [History and logic. Problems of general historical theory and the nature of historical concepts]. Moscow, 2013. 183 p.
25. Stalin I. V. *Voprosy leninizma* [Questions of Leninism]. Moscow, Politizdat Publ., 1952. 805 p.
26. Shelokhaev V. V. *Dnevnik istorika* [Diary of a historian]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2013. 510 p.
27. Shmidt S. O. [The topic «History of the Great Patriotic War» and «Historians in the Great Patriotic War» on the pages of the Archeographic Yearbooks]. In: *Arkheograficheskii ezhegodnik za 2005 god* [Archeographic Yearbook for 2005]. Moscow, 2007. 383 p.
28. Brading D. *The First America: The Spanish Monarchy, Creole Patriots, and the Liberal State 1492–1867*. New York, Cambridge University Press, 1991. 761 p.
29. Mailly J.-B. *L'Esprit des croisades ou Histoire politique et militaire des guerres entreprises...* Dijon, Chez l'Auteur, 1780. 508 p.
30. Robertson W. *The history of Scotland during the reigns of Queen Mary and of King James VI. Vol. I–III*. In: Robertson W. *The works of W. Robertson in 12 volumes. Vol. I–III*. Edinburgh; London, 1819. 745 p.
31. Robertson W. *The history of Scotland 1542–1603. T. IV. London, 1759. 210 p.*
32. Voltaire, *Essai sur les moeurs. V. I. 520 p.*
33. Womersley D. J. *The historical writings of William Robertson*. In: *Journal of the History of Ideas*, 1986, pp. 497–506.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Смоленский Николай Иванович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета;
e-mail: kaf-nim@mgou.ru

Маслов Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета;
e-mail: dmitrij.mas2011@yandex.ru

Багдасарян Вардан Эрнестович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права, заведующий кафедрой истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;

e-mail: vardanb@mail.ru

Журавлёв Валерий Васильевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой новейшей истории России Московского государственного областного университета;

e-mail: kaf-*nnir*@mgou.ru

Яснитский Николай Анатольевич – кандидат исторических наук, профессор кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета;

e-mail: yasnitsky@bk.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Nikolay I. Smolensky – Dr. Sci. (History), Departmentally Head, Department at the of Modern and Contemporary History and Methodology, Moscow Region State University;

e-mail: kaf-*nim*@mgou.ru

Dmitry V. Maslov – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Recent History of Russia, Moscow Region State University;

e-mail: dmitrij.mas2011@yandex.ru

Vardan E. Bagdasaryan – Dr. Sci. (History), Prof., Dean at the Faculty of History, Political Science and Law, Departmentally Head, Department of Medieval and Modern Russian History, Moscow Region State University;

e-mail: vardanb@mail.ru

Valeriy V. Zhuravlev – Dr. Sci. (History), Departmentally Head, Department of Contemporary Russian History, Moscow Region State University;

e-mail: kaf-*nnir*@mgou.ru

Nikolay A. Yasnitsky – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Modern and Contemporary History and Methodology, Moscow Region State University;

e-mail: yasnitsky@bk.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Смоленский Н. И., Маслов Д. В., Багдасарян В. Э., Журавлёв С. В., Яснитский Н. А. Проблема формирования исторического сознания в современной России : круглый стол // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 4. С. 42–77.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-4-42-77

FOR CITATION

Smolensky N. I., Maslov D. V., Bagdasaryan V. E., Zhuravlev S. V., Yasnitsky N. A. The problem of the formation of historical consciousness in modern Russia : round table discussion. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 4, pp. 42–77.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-4-42-77